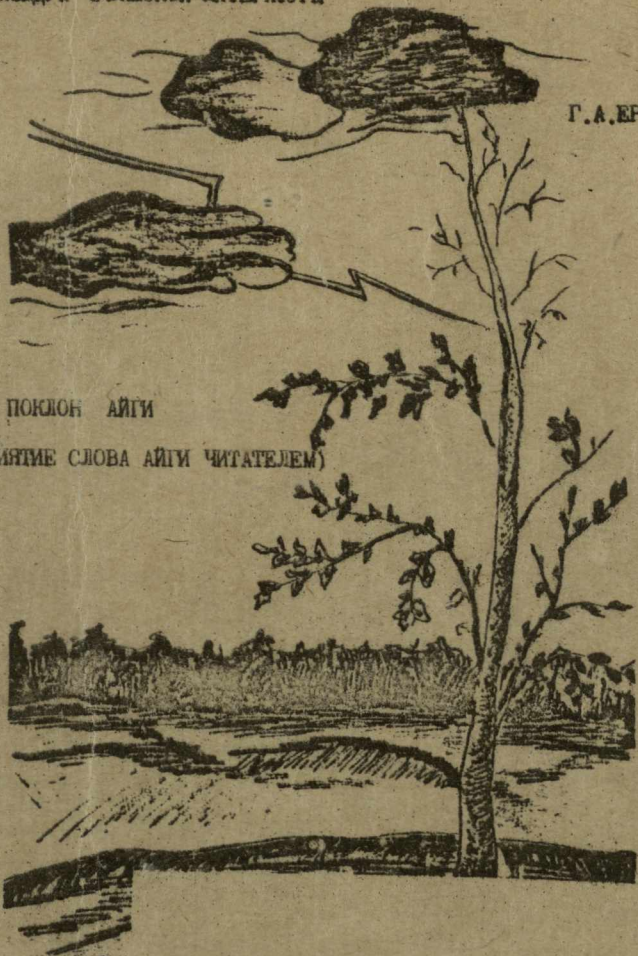

к 83.3
Е 42
р 29038 - к

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ПО ДЕЛАМ НАУКИ И ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

ЧУВАШСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ И.Н.УЛЬЯНОВА
КАФЕДРА ЧУВАШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Г. А. ЕРМАКОВА

ПОКЛОН АЙГИ

(ВОСПРИЯТИЕ СЛОВА АЙГИ ЧИТАТЕЛЕМ)

ЧЕБОКСАРЫ
1996

Национальная библиотека ЧР

k-029038

12

ВОЗВРАТИТЕ КНИГ

обозначени

1 экз с абориг.
еств в

М т. 3 50 1990 г.т. 5

Кр

К83.3

Е42

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ПО ДЕЛАМ НАУКИ И
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

ЧУВАШСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
И.Н.УЛЬЯНОВА

КАФЕДРА ЧУВАШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Г.А.ЕРМАКОВА

ПОКЛОН АЙГИ

(ВОСПРИЯТИЕ СЛОВА АЙГИ ЧИТАТЕЛЕМ)

ЧЕБОКСАРЫ
1996

83.39(2 Чус) 6-8 < Г.Н. Айги >, 491
3.3(2 РОС = Чус) 67-8 < Г.Н. Айги >, 491

Галина Алексеевна Ермакова

"Поклон Айги (восприятие слова Айги читателем)".

В пособии, подготовленном старшим преподавателем Чувашского республиканского института образования Ермаковой Г.А., представлен материал эксперимента по восприятию читателями слова Айги Г.Н.

Эксперимент проводился в средней школе №16 г. Новочебоксарска Чувашской Республики. Пособие адресовано учителям-словесникам, работающим по новым программам, преподавателям вузов, студентам-филологам.

Рецензенты: Родионов В.Г., доктор филологических наук.

Мулгачёва Н.В., учитель средней школы №18 г. Новочебоксарска.

Кафедра многоязычия и литературного образования ЧРИО

Рукопись рассмотрена на заседании кафедры чувашской литературы Чувашского гос. университета, одобрена и рекомендована в печать.

Научные руководители:

Волков Г.Н., академик Российской академии образования.

Родионов В.Г., доктор филологических наук, профессор Чувашского государственного университета.

P 29038-кр

Национальная библиотека
Чувашской
Республики

ПРОС
20 22 MAR 2017

Ермакова Галина Алексеевна

Посвящая внукам: Ксенье
и Александру.

Г. А. Ермакова.

ПОКЛОН АЙГИ

(восприятие слова Айги читателем)

и там, где стояли мы,
Пусть останется свечение
нашего благословения.

Г. Н. Айги

Чебоксары

1996

ПРЕДИСЛОВИЕ

Геннадий Николаевич Айги (1934) - чувашский поэт (с 1958 г. пишет на русском), переводчик, лауреат премии Французской Академии им. П.Дефея (1972) за перевод на чувашский язык антологии "Поэты Франции", премии Венгерского агентства по литературе, театру и музыке (АРТИСУС) "за большой вклад в дело развития советско-венгерских культурных связей" (1978), награждён медалью "Памяти Эндре Ад" учреждённой Министерством культуры ВНР.

Г.Айги, разрывая узконациональные границы, стремится к объединению достижений всей мировой культуры, сам же, в своём творчестве, следует традициям М.Сеспеля. Сеспель же - это путь, "ведущий к чувашскому авангардизму.

Опыт Г.Айги исключительно значителен для понимания динамики поэтической речи, у него особая, новая, модель поэзии, поэзии "нового времени". Слово у Г.Айги становится значащей материей, его поэзия передаёт ритмы "всеобъемлящего" бытия, определителем же ритмического строения является семантика.

Поэзия Г.Айги принадлежит "открытому пространству" мировой культуры. Его читают и переводят в более чем 50-и странах мира, он всемирно известный поэт, его волнует судьба мира и родной Чувашии, ратует за человека Земли, гуманного, добропорядочного, милосердного.

Настоящая книга продолжает монографию автора "Восприятие Слова Г.Айги читателем", надеемся, что исследование творчества Г.Айги Ермаковой Г.А. на этом не завершится.

В.Г.Родионов, доктор филологических наук, профессор Чувашского гос. университета им. И.Н.Ульянова.

О Т З Ы В Ы

на монографии автора "Восприятие Слова Г. Айги читателем".

(Чебоксары. 1996. 184 с.)

Не сомневайтесь,
это зоо - Гесприльшольд
труд... - возможно,
во всей современной
козологии.

Гесприльшольд? Ах да

P. J. Schul

5 июля 1996

Косикуяасо Эбуи

Белазувертхен, ухунаис-

Има Трудон.

Гертван Анже

4 VI 1996

Каа сам Аизи, я озем
бископ шот и интереснейше
исследованея Т.А. Ермаковичи

Peter France

казначейски переводчица Аизи

6.6.96

Очень интересует и радует работа
Ермакова Т.А. о взаимоотношениях
Таджикстана. Я надеюсь воспользоваться
результатами исследования для публикации
представленного в журнале Таджики,
который будет опубликован в Лондоне
в апреле 1997 года.

Peter France

Профессор Эммануэль Кандриер
Почетный Доктор Лейпцигского университета
5.6.96

Восприятие } Слава } Азия читателя
 книга. г. Чебоксары 1996 г.
 авт. Г. А. Ермакова

Иллюстрациями как кенке ешкел мана
 сёне 21 майн тённе кураленне пурне художник
 сене курален, Велем динчел сёне ирреледе
 ренде тэракан художниксен иллюстрацийтесе
 тэле пурат. Мённен шесе иртэ худот-
 никсен иллюстрацийн кексе, тённе курален
 тэ Академи итёрне, тённе издательсё борс
 ёзаккен художниксен, тённе курален
 театрах, гоняллек сахал пуртесе ичкел
 мана.

Сак кенекке иллюстрацийтесе
 тённе курален, ешкел, то изображение,
 сёне мана, гаванна ма ку иллюстраци
 сен тённе курален тэ, техника, сакел
 итёрне мана тэракан художниксен
 ичкел тэракан пуртесе мана.

г. с. п. д., г. е. х. с. е. р. лауреат ичкел ил. мана
 злеот. художник 4Р
 Розал Анагорий Сидоров 14/8-19337-р.

Сидоров Анагорий
 19337-р

Р Е Ц Е Н З И Я

на монографию Г.А.Ермаковой "Восприятие слова Г.Айги
читателем" (объем 184 стр. машинописи)

Работа состоит из трёх разделов, в которых дана авторская трактовка философских основ творчества Г.Айги, его произведения рассмотрены в свете философии экзистенциализма, приведён диалог со словом Айги, который проводился на уроках литературы и изобразительного искусства на экспериментальной площадке школы №16 г. Новочебоксарска.

В первой главе ("Философский разум Г.Айги") автор рассматривает творчество Г.Айги в качестве познающего разум Нового времени, который направлен на актуализацию личности автора, мучительно жаждущего познать мир и себя в этом мире. Автор, доказывая, что творчество Г.Айги является познающим разумом, приводит суждения читателей на произведения поэта, где они, погружаясь в текст Г.Айги, познавали мир и себя в этом мире, таким образом прибывая к "высшему сознанию". В этой главе автор рассказывает также о том, как развивалось философское мышление читателей экспериментального класса, говорит, что читатели, воспринимая слово Г.Айги, обращали его на собственное преобразование, происходило бытие в культуре Г.Айги.

Во второй главе ("Творчество Г.Айги в свете философии экзистенциализма и восприятие его читателем") автор рассматривает творчество Г.Айги в свете философии экзистенциализма, анализирует ряд его произведений, в которых звучат экзистенциальные темы: тема любви и ненависти, греха, вины, боли, страдания...

Особый интерес представляет третья глава, где представлены сочинения и рисунки учащихся на произведения Г.Айги. Работа самобытна, представляет интерес для литературоведов, преподавателей вузов, учителей школ, она рассмотрена в мае 1996 г. на заседании кафедры чувашской литературы гос. университета, одобрена и рекомендована для издания отдельной книгой.

Зав. кафедрой чувашской
литературы Чувашского гос.
университета, доктор филол.
наук

В.Г.Родионов

РЕЦЕНЗИЯ

на монографию Г. А. Ермаковой "Восприятие слова Айги читателем" (объем 184 стр. машинописи)

В монографии представлены три раздела, в которых дана авторская трактовка философского разума Айги, рассмотрено творчество поэта в свете философии экзистенциализма, представлен диалог с произведениями Айги на уроках литературы и изобразительного искусства.

Волков Г. Н., академик Российской академии образования, профессор, в предисловии к книге подчёркивает, что прибоясь к творениям Айги, вступая с ним в диалог, начинаешь читать себя, это слово Айги крайне необходимо для понимания и оценки этого "несднозначного мира" и своего места в нём. Рассматривая творчество чувашского поэта, проживавшего в данное время в Москве, автор свои оценки и суждения сопоставляет с восприятием мира Айги детьми гуманитарных классов, сопоставляет с восприятием мира Айги школ г. г. Чебоксар и Новочебоксарска, ряда районов республики. Автор монографии является специалистом по творчеству Айги, выступает с лекциями перед учителями языка и литературы в Чувашском институте образования, во время встреч с представителями диаспоры (чувашской), других регионов России, выступает по данной теме, пропагандируя творчество Айги. В работе широко использованы стихи, написанные в разные этапы творчества, отзывы детей на творчество самобытного и оригинального поэта во многом созвучны детскому восприятию.

Работа представляет интерес для литературоведов, преподавателей вузов, учителей, студентов филологических факультетов. Она может быть использована для проведения бесед, для чтения спецкурсов.

Во время презентации данной монографии в Чувашском университете в июне 1996 года с участием Айги и профессора Питера Франса было отмечено, что данная работа является первой литературоведческой работой, посвященной творчеству самобытного поэта.

Рекомендую монографию Г. А. Ермаковой для издания отдельной книгой.

Зав. кафедрой социальных
дисциплин и управления
образования Чувашского РИО,
кандидат филологических
наук

Р. Я. Яковлев

РЕЦЕНЗИЯ

на монографию Г.А. Ермаковой "Восприятие слова Г. Айги читателем" (объём 184 стр. машинописи)

Монография состоит из трёх разделов:

- Философский разум Г. Айги (дана авторская трактовка философского разума Г. Айги).
- Творчество Г. Айги в свете философии экзистенциализма и восприятие его читателем (творчество поэта рассмотрено в свете философии экзистенциализма).
- Диалог с произведениями Г. Айги на уроках литературы и изобразительного искусства (приведены работы учащихся средней школы №16 г. Новосибирска, где в течение трёх лет проводился эксперимент по восприятию слова Г. Айги).

Предисловие написано академиком Российской академии образования Г.Н. Волковым, в нём он указывает, что, читая Г. Айги, вступаешь с ним в диалог, "начинаешь читать себя", что слово Г. Айги необходимо для понимания и оценки этого "неоднозначного мира".

Автор является специалистом по творчеству Г. Айги, часто бывает в районах республики, где выступает с лекциями о творчестве Г. Айги, лекции читает и перед слушателями института образования Чувашии.

Работа очень интересна, в ней автор даёт свою трактовку поэзии Г. Айги, анализирует ряд его произведений, доказывает, что, приближаясь к слову Г. Айги, читатели просветляются душой, постигают мир и себя в этом мире.

Она может быть использована литературоведами, изучающими творчество Г. Айги, преподавателями вузов и учителями-словесниками... Питер Франс, профессор Эдмбургского университета, Почётный доктор Чебоксарского университета, и Г. Айги во время презентации (июнь 1996 г.) отметили, что данная работа является первой литературоведческой работой, посвящённой творчеству Г. Айги.

Рекомендуем монографию Г.А. Ермаковой для издания отдельной книгой.

Учитель высшей категории
школы-гимназии №46
г. Чебоксары

Нулина Л. Д.

РЕЦЕНЗИЯ

на монографию Г.А. Ермаковой "Восприятие слова Г.Айги читателем" (объём 184 стр. машинописи)

Творчество Г.Айги включено в школьную программу, но литературоведческого анализа его произведений пока ещё нет, по этой причине монография Г.А. Ермаковой является для нас, литераторов, весьма своевременным пособием, она состоит из трёх глав:

- Философский разум Г.Айги;
- Творчество Г.Айги в свете философии экзистенциализма и восприятие его читателем;
- Диалог со словом Г.Айги на уроках литературы и изобразительно-го искусства.

В первой главе даётся авторская трактовка философского разума Г.Айги, приводятся его произведения, суждения читателей. Во второй главе автор рассматривает творчество Г.Айги в свете философии экзистенциализма, даёт понятие термина "экзистенциализм", знакомит с истоками философии экзистенциализма, анализирует ряд произведений поэта, где звучат основные экзистенциальные темы (боли, страдания), приводит суждения читателей, говорит о том, что творения Г.Айги учат постигать мир и себя в этом мире, по этой причине они должны изучаться в школах, в вузах.

Особенно интересна третья глава, где приведены рисунки учащихся классов ИЗО на произведения Г.Айги, их сочинения.

В заключение автор говорит об итогах эксперимента, приводит творческие работы читателей, которые являются доказательством тому, что читатели преобразуются, просветляются, когда постигают философский разум Г.Айги.

Монография рассмотрена на заседании методического объединения школы №16 г. Новочебоксарска в июне 1996 года и рекомендована для издания отдельной книгой.

Председатель методического
объединения школы №16
г. Новочебоксарска

Л.П. Афанасьева

О Т З Ы В

о книге Г. А. Ермаковой "Восприятие слова Айги читателем" (Чебоксары, 1996. 184 с.)

Монография Г. А. Ермаковой посвящена исследованию творчества самобытного, неповторимого национального поэта Айги. Книга представляет собой итог многолетних размышлений автора над поэтическим словом в целом и творчества Айги в частности, она вся построена на итогах эксперимента, проводимого в разных коллективах (ученики, учителя, рабочие и служащие). Главная проблема, под знаком которой рассматривалось творчество Айги, — проблема читательского восприятия.

Книга состоит из 3-х глав логически связанных между собой. Глава первая ("Философский разум Г. Айги") вводит читателя в мир неповторимого слова поэта, подчёркивая философскую глубину и ёмкость. Автор работы стремится действительно прочесть стихи Айги в системе его собственных понятий, представлений, образов, рождаемых его поэзией, и это ей удаётся. Именно поэтому в книге мы не найдём банальных выражений, сухих, стандартных и ничего незначащих фраз, которыми порой пестрят наши журналы. Нет такого читателя, каким является автор книги, — это удача для поэта.

К числу мономерных образов, выражающих сущность мира и бытия человека (по Айги) исследовательницей выделены образы природного космоса (поля, ветра), обозначены "первоэлементы духа — А, И", из всего этого и создаётся модель мира в целом.

Очень интересная трактовка стихов поэта предложена во второй главе книги ("Творчество Айги в свете философии экзистенциализма и восприятие его читателем"). Один из главных выводов исследовательницы базируется на утверждении, что поэзия Айги — это своеобразный призыв к человеку обратиться к себе, посмотреть в глубины своей души, построить там "свой дом" — гармонию, в обретении этого заключается весь смысл бытия человека. Страдание, радость, тоска, грусть — эти чувства в поэзии Айги объективированы, они становятся зримы, их "видишь", ощущаешь, понимаешь, — такова сущность экзистенциальной поэзии, и эти особенности ярко раскрыты в книге.

Третья глава книги ("Диалог с произведениями Айги на уроках изобразительного искусства и литературы") во многом итоговая. Известно, что поэзия — это всегда диалог со временем, другом, народом, эпохой; здесь мы видим диалог Айги с читателем, результатом которого является творчество: настоящее искусство рождает другое искусство — удивительные картины, которыми проиллюстрирована книга. И этот творческий огонь "зажгло" живое слово Айги, направляемое учителем. И это главный итог творчества учителя.

В целом книга Г.А.Ермаковой, безусловно, полезна, интересна по своим выводам и результатам, позволяет говорить о продуктивности и неординарности подхода автора к творчеству Айги и проблеме читательского восприятия.

Старший преподаватель
кафедры русской и зарубежной
литературы ЧГУ им. И.Н.Ульянова Л.В.Ляпова

ТВОРЧЕСТВО АЙГИ - ТВОРЧЕСТВО МОДЕРНИЗМА

В книге И. С. Куликовой "Философия и искусство модернизма" есть следующий тезис: "Работа модернистов заметно отличается от произведений искусства, ранее созданных человечеством: содержание и смысл художников-модернистов, как правило, непонятны зрителям, модернистское искусство малокоммуникативно" (73 С. 4). Проанализируем данный тезис. Мысль первая: работы модернистов заметно отличаются от произведений искусства, ранее созданных человечеством. С этой мыслью можно согласиться; в качестве доказательства возьмём произведения М. Лермонтова и Г. Айги.

Москва! Москва!.. люблю тебя, как сын,
Как русский, — сильно, пламенно и нежно!
Люблю священный блеск твоих седин...

М. Лермонтов

Лермонтов признаётся в любви к своему отечеству; отечество — это город, это Москва. Классический стиль, всё понятно, ум не напрягается, строки читаются плавно.

а из Родины- Жизни
иной
затаённой -
душа
золотится
в квадрате окна:
верба цветёт -
- лепечет младенец! -
тайная встреча (цветенье и говор) -
в той-незапятнанной-Родине

("Дом за городом". 1977.) (83, С. 164).

Понятно ли нам содержание данного произведения? О чём оно? У Лермонтова всё понятно — речь идёт о любви к Родине. А у Айги? Но если

напрячь ум, вчитаться ещё раз, произведение станет не просто понятным, оно начинает заманивать тебя, захватывать, и вот наступает момент, когда ты полностью уже во власти этих строк, когда тебе эти строки тоже становятся понятны: в них говорится тоже о любви к Родине, но говорится не прямо, не сразу, а через определённые образы: через образ вербы и лепет ребёнка. Встретились "цветенья и говор", у поэта душа "золотится", то есть поёт, ибо это его Родина, та, ещё не запятнанная Родина, Родина- жизнь, и не любить её нельзя.

Вторая мысль: модернистское искусство малокоммуникативно, но по мере погружения в текст, по мере вчитывания в произведения нам открывалась обратная картина: слушатели не только отталкивали произведения Геннадия Айги, они ждали встречи с его творениями, к 1994 году все 30 слушателей полюбили творчество Г. Айги, им нравилось копаться в поэтических сборниках, доходить до сути. На первом этапе эксперимента читатели почти не воспринимали поэзию Айги. В 1993-1994 году появились первые эссе слушателей на произведения поэта. Данные работы в 1994 году были показаны самому автору - Г. Айги, он их одобрил, сказав: "Мои стихи созданы для философских раздумий, я рад, что на моей родине их читают и понимают".

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что модернистское искусство коммуникативно, надо только понять его философскую основу.

Общность эстетических позиций различных направлений модернизма настолько очевидна, что объединение их в специфический тип искусства вполне закономерно. Может вызвать сомнение только основательность термина, обозначающего этот тип искусства. Само слово "модерн" в ряде европейских языков означает "современный"; однако современным являлось в своё время каждое искусство. Этимологическая неточность термина "модернизм" даёт повод для тенденциозного его толкования. Опираясь на понятие "модернизм", целесообразно иметь в виду не этимологическое, а смысловое значение слова.

"В основных европейских языках для более точного обозначения со-ответствия чего-либо духу времени, кроме термина "модерн", употреб-ляется слово "современный."

В лингвистическом отношении слово "модерн" связывается с идеей чего-то нового, нетрадиционного, "отличного от прежнего" (73, С. 5). Следуя данному тезису, мы можем отнести стихотворение Г. Айги к модернизму, ибо они отличны от прежней-классической-поэзии.

Вл. Куликов относит поэзию Айги к постмодернизму, говорит, что "идеологией постмодернизма является идеология "прав человека" (72, С. 234). Идеологией философии экзистенциализма также является идеология "прав человека"; в поэзии Айги мы встречаем мотивы данной философии; идеологией Айги, мы считаем, является идеология "прав человека." Вл. Куликов пишет, что "постмодерн-реакция на идеоло-гизирующее сознание, его цель-деидеологизация мышления" (72, С. 234). В творчестве Айги нет ни буржуазной идеологии, нет ни социалисти-ческой идеологии, его идеология-это уважение к человеку мира, к творцу; у Айги "надмирная" позиция, он "ощущает целый мир в душе своей" (по Тютчеву). "Постмодерн стремится, ничего не разрушая, обходным, сверхрефлексивным путём дойти до общей сущности, и ему это порой действительно удаётся" (72, С. 234). В поэзии Айги мы ощу-щаем всеобщее онтологическое родство. "Модернистский пафос лич-ного, субъективного вытесняется чем-то другим" (72, С. 233). Это другое-всеобщее онтологическое родство, которое ощущал К. Ясперс, один из философов-экзистенциалистов.

А. Вознесенский творчество Айги относит к *постмодернизму*, он пи-шет: "Айги-это попытка записать "агу" колыбельного Иисуса Христа на магнитофонную кассету. Стих его аматериален, лишён вещизма, по-рой и впрямь становится видом сакрального действия. Корни? Чуваш-ская народная поэтика и мифология в русле поэзии Митты и Сеспеля-чувашского Рембо, плюс русский авангард. Корни-небесные. В сегодням

нем стремлении к национальному своеобразию мы видим, как чувашская душа вольно смыкается со всеобщей, всемирной.

Ныне новая поэзия, особенно молодая, тяготеет к неовангарду. Список новой антологии алфавитно начинается с "Айги" (40, С. 9). И. Куликов и А. Вознесенский отмечают в поэзии Айги "всеобщее онтологическое родство." Он это родство доводит до начала - начал - до Иисуса Христа:

И шёл я
по тёплому сору
своей же души.
(И знал: что когда-то
вели Его здесь -
по Золотому-Исру равнины, -
среди сора тоски и страдания)
Однородная с золотом
глина отваливалась,
когда поднимался я в гору,
(я трогал руками:
живая была, словно песнь!),
и обрывками плача
всё - в пустоте - отувалося:
и далекие полости хижин покинутых,
и мёртвых деревьев
телесное будто тепло,
и не-людская
напевность щемлящая -
Золота - Глины: во всей бесконечности:

Золота Глины.

1974

(Плач - и - Я) (1. С. 147.)

"Плач Христа = плач Айги. Свою судьбу поэт отождествляет с судь-

бой Христа. Знак "И" в творчестве Айги - это соединительный знак, в данном случае плач Христа, плач человечества ("визжит Частушка - человечество") соединяется с плачем Айги, происходит единение в плаче - возрождении. Здесь нет вешизма, здесь плач в мире с миром".

(Света Я. г. Новочебоксарск, 1995)

Яковлева Светлана смогла разглядеть в этом произведении один из основных мотивов его творчества: связь поэта с мирозданием. Айги постоянно чувствует свою связь с человечеством, Вселенной. Кроме этого мотива, читатель указывает ещё на один из ведущих мотивов в творчестве поэта - это мотив боли и страдания. Можно ли причислить это суждение к зрелым? Скорее, оно на интуитивном уровне, но содержание произведения читателем ~~помыто~~ верно.

Испанский философ Хосе Ортега-и-Гасет о первых выставках модернистов писал следующее: "...Новое искусство встречает массу, настроенную против него враждебно, и будет сталкиваться с этим всегда. Оно непопулярно по самому существу своему; более того - оно антипопулярно... Привыкшая во всём брать верх, масса чувствует себя оскорблённой в своих "человеческих чувствах" новым искусством. Повсюду, где появляются новые музы, масса оказывает им сопротивление" (ИО, С. 354).

Этот тезис можно отнести и к поэзии Г. Айги. Но тогда возникает вопрос: почему его творения понятны и любимы слушателями 18-летнего возраста? Ответ предположительно может быть таким: это искусство будущего. Его философия Массе непонятна. Доказывая эту мысль, приведём суждение Евгения Евтушенко, приведённое в качестве вступительного слова к сборнику Г. Айги "Здесь." Данное вступительное слово имеет подзаголовок: "Защита собственной души." Мы позволим привести это "слово", ибо Евтушенко является также читателем, а мы исследуем читательское восприятие поэзии Айги. Евгений Евтушенко, подав "свой голос" в защиту поэта-модерниста Г. Айги, говорит, что поэт нашёл "взаимопонимание с редкими, но всё-таки существ-

P 29038-кп

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
ЧУВАШСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ

вущими особями" (55, С. 5-8). Здесь мы позволим себе согласиться с мнением Е. Евтушенко, так как проводимая в течение трёх лет экспериментальная работа показала, что такие "особи" (выражение Е. Евтушенко) есть в Чувашии; все категории слушателей, где проводился эксперимент, понимали и принимали Г. Айги.

Произведения модернизма одновременно возникли в различных странах независимо друг от друга, это свидетельствует о неслучайности этого явления. Речь идёт о наличии идейных и социальных предпосылок. Теоретические, общефилософские предпосылки модернизма появились ещё в XIX веке, задолго до их воплощения в художественной практике.

К первой половине XIX века относятся работы А. Шопенгауэра ("Мир как воля и представление"), ("Единственный и его достояние") М. Штернера, С. Кьеркегора ("Или-или"), которые оказали прямое и косвенное влияние на формирование модернизма.

Происшедшие в XIX веке события нашли своё отражение в многочисленных эстетических концепциях, теориях, учениях. В центре этих теорий находился человек, в сложные взаимоотношения которого с окружающим его миром и пытались проникнуть мыслители, в том числе и философы-экзистенциалисты. Они детально анализировали противоречия между - возможностями и стремлениями человека;

- обязанностями и нравами;
- влечениями и долгом;
- чувственным и рациональным;
- вкусом человека и общепринятыми суждениями.

В поисках выхода из противоречий многие мыслители обращались к эстетике, пытались найти в искусстве, в наслаждении прекрасным ту гармонию, которой лишена жизнь. Поиски прекрасного в искусстве, противопоставление жизни, привели к провозглашению искусства неким "окровением," и противопоставлением рассудка и чувств, действительности

ти и фантазии, разума и интуиции.

Несостоятельность попыток преодолеть конфликты реальной жизни средствами фантазии вскрыл представитель классического идеализма Гегель. Противником гегелевской системы выступил датский философ-экзистенциалист Сёрен Кьеркегор. Он уделял большое внимание эстетическим проблемам, пытаясь найти в искусстве, в "красоте земной" выражение своих религиозно-этических воззрений. Он отрицал диалектику, его не удовлетворял объективно-идеалистический принцип Гегеля, допускающий отождествление субъекта и объекта. "Кьеркегор субъективизирует, иррационализирует человека, противопоставляет человека миру, человеческое существование (экзистенция) - интеллектуальному познанию, человек беспомощен перед окружающим его непознанным и непознаваемым миром, существование его бесперспективно и трагически безрадостно" (73, С. 9).

Айги признаёт, считаем мы, экзистенцию, но не в пессимистическом варианте С. Кьеркегора. Доказательством тому служит суждение Г. Айги, опубликованное в журнале "Лик Чуваши": "Лет тринадцать назад мне преподало хороший урок одно существо - один подмосковный скворец. Был промозглый день, шёл весенний мокрый снег, мир был как "проклятие". Я вдруг услышал пение и увидел скворца, который на ступеньке своего дрыжка, в дожде и в снегу, заливался своими трелями. Да что с ним происходит? - так он трепетал, горло его просто клокотало. "Да ведь его распирает благодарность, - даже такому дню!"

Этот скворец был гораздо благодарнее этому миру, чем мы многие, с редкостным рвением проклинаящие и день, и мир, и самих себя, и себе подобных" - с ещё большим рвением" (61, С. 35).

Г. Айги принимает мир, ценит человеческое существование, он как философ К. Ясперс, принимает жизнь во всех её проявлениях, пусть она хрупка и непостоянна, но, значит, тем более надо научиться

ценить и любить эту жизнь. "Путь мыслящего человека - это жизнь в философствовании" (20, С. 455).

Обострявшаяся во второй половине XIX века борьба философско-го идеализма и материализма нашла своё отражение в области искусства, появилось новое направление, которое противопоставило своё творчество существующему искусству. "Нас разделил не только 1917 год, но даже 1905, когда я ещё мало видел и мало сознавал в жизни," - писал А. Блок в письме Зинаиде Гиппиус (30, С. 725). Именно в это время возникает модернизм.

"Текст или картина стали подниматься в этот период не как дубликаты реальных вещей в некоем воображаемом идеальном пространстве, а как, в свою очередь, реальные вещи среди других вещей (49, С. 67). Представители авангарда поставили себе цель: восстановить утраченное / вследствие вторжения техники / единство природного мира, превратить весь мир в произведение искусства. Б. Грэм утверждает, что авангард вовсе не агрессивен, как это полагают, он восстаёт против традиций не потому, что на месте её устойчивых форм он хочет создать нечто технически новое, а потому, что формы традиции уже обнаружили себя на деле как неустойчивые и необоснованные, на их месте авангард хочет создать нечто даже не просто устойчивое, а вечное, т.е. исключившее историю и прогресс" (49, С. 68). У Айги нет стихотворений о техническом варварстве, о заводах, фабриках, но мотивы поступка прогресса, уничтожающего человека, слышны:

а) всё- гул бедн! ("Продолжение- гул". 1986)

б) а теперь уже- долго- далёкого плача:
по народо- корням- человекам!-

("Круг". 1989.)

в) (и болит называемая

где-то

как в ветре

"душа")

("Помня о лесе за городом". 1985)

г) а вздрогнула:

сна белизна — от движения

сил без названий и вида

(“Сон: форма Арпа.” 1985)

Айги хочет вернуть миру единство и смысл.

Именно в это время возникает модернизм. Не ставя себе задачей выявление и систематизацию всех идей и теорий модернизма, мы считаем целесообразным остановиться на отдельных его направлениях, в том числе и на творчестве В.Хлебникова, одного из представителей модернизма начала XX века, чтобы провести параллель с творчеством Геннадия Айги.

Литературные течения, противостоящие реализму, долгое время именовались “упадническими”, декадентными. Термины “декаданс”, “модернизм” были в ходу ещё на рубеже XIX — XX веков, но обозначали далеко не однородные явления.

Декаданс (лат. *dekadentia* — упадок) (97, С. 233) в своей антиреалистической направленности был вызван состоянием безнадёжности, неприятием общественной жизни, стремлением уйти в узколичный мир.

Модернизм (фр. *moderne* — новейший, современный) (97, С. 233) тоже выступили против реализма, отрицали социальные ценности, но их цель была другая — “создание поэтической, культуры, содействующей духовному совершенствованию человечества” (97, С. 233).

У Ф.Сологуба, Д.Мережковского, З.Гиппиус мы встречаем мотивы прославления одиночества, пессимистические ноты, у Айги же, несмотря на присутствие боли, мы встречаем больше веры в мир и человека. Так его воспринимали и читатели экспериментального класса:

1. Радий П.: “Айги научил меня не отчаиваться” .

2. Володя Е.: “Поэт Вселенной научил меня верить в себя и Вселенную” .

3. Света П.: “Светлые краски Айги, несмотря на “чёрные тени”, преобладают” .

4. Катерина В.: "Айги - поэт Веры, Надежды, любви".

5. Татьяна З.: "Этот поэт учит надеяться".

6. Ира Ч.: "Видеть прекрасное научили меня стихи Г. Айги".

Часть русской интеллигенции классовую борьбу восприняла как силу, разрушающую культурные ценности, развитие же человечества связала с обновлением культуры, основная роль была отведена творчеству. "На такой почве и возник русский модернизм" (97, С. 233).

В отличие от реализма, он противопоставил жизни искусство, "способное возродить погрязший во грехе мир" (97, С. 233). В их концепциях было много недостижимого, но в их творениях не было "депрессивных идей" (97, С. 233). Нет "депрессивных идей" и у Айги, хотя мотивы страдания и боли - основные мотивы его творчества. Он указывает "путь к свету через страдания" (Волков Г.Н., из личной беседы автора с ним).

Русский модернизм представлен течениями: символизмом, акмеизмом, футуризмом. "деологами символистов были Д.Мережковский (старший), В.Брюсов (младосимволистов). Свои теории Д.Мережковский изложил в книге "О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы." Он ощущал диссонанс времени:

- а) изобретения техники - позывы духа;
- б) религиозные чувства - невозможность верить в догмы христианства.

"Для изживания противоречия предсказывали подъем к "идеальной" человеческой культуре" в результате открытия божественной сущности мира" (97, С. 234). Путь к ней прокладывало новое искусство с помощью символов, "выливавшихся из глубин духа художника" (97, С. 234).

Им в своём исследовании, опираясь на высказывания самого поэта Г. Айги:

И. : "Говорится, что мы созданы по образу Его и подобии." Это я понимаю так: человек обладает Воображением; осуществляя Воображаемое, он становится творцом (так же, как и разрушителем). И е

ственное его орудие, по существу, - Слово-Логос. В этом смысле даже можно сказать, что Человек - это вообще слово" (3, С.12).

2. "Я верю в космический разум" (из личной беседы автора и Айги в 1994 году).

3. "Молчание - как место Бога" (место наивысшей творческой силы). "Бог? - это цитата: из Бога". (Это из неопубликованного моего стихотворения). Это - было, когда был накал" (4, С.4). Берём смелость предположить, что творения Айги - это "идеальная человеческая культура," подъём которой предсказывался Д.Мережковским в начале XX века.

Из глубин духа Айги выливаются символы света и тени, снега и поля, яви и сна, звуков "а", "и", знаков: тире, двоеточие, крест, дерева и куста, храма и девочки, розы и ромашки, озёра и птицы, круга и вещи, сосны и солнца, малинника, олицетворяющего детство, - то есть истоки поэта. Слово его многомерно, ибо "русский символ придал слову многоотточенность, разноизлучаемость" (6, С.33).

Подтверждая эту мысль, Белецкий в статье "Элементарные слова о символической поэзии" писал, что "поэты-симвалисты всегда овеяны дуновениями, идущими из области запредельного, и потому, как бы против их воли, за словами, которые они произносят, чудится гул ещё других, не их голосов, ощущается говор стихий, отрывки из хоров, звучащих в святая святых мыслимой нами Вселенной" (12, С.369).

Подтверждая мысли Д.Мережковского, К. Балмонта, приводим суждения читателей после прочтения отдельных произведений Айги ("Круг", "Дорога из лесу: вечер", "Продолжение - гул", "Дом - в роце мира", "В ветр- называя", "А где- то- этот костёл"):

...перекликались

спокойно

поля световые - скользя и колеблясь совместно и волюно
в огненном тумане... - как будто - так - не торопится вечность
в Бога собраться... - в соседстве со "временем"

всё ещё что-то имей
от того и другого"

1984 (8, С. 285)

1. Сергей П.: "Читая Айги, я слышу гул Вселенной".
2. Наталия Б.: "Я слышу, как Вечность, тихо шагая, собирается в Бога но я ведь тоже присутствую в этой вечности, там есть Слово Айги и моё Слово, они, эти слова, тоже создаст эту Вечность... Слышу... и тревожно, и светло..."
3. Света П.: "Лермонтов слышал хоры Вселенной, Айги слышал, слышу и я - маленький человечек неохватной Вселенной".
4. Ольга Ш.: "Я сама пишу стихи, они ко мне приходят не сразу, сначала я слышу гул, какие-то неясные звуки, пение, а потом рука сама выводит строки, они и есть, наверное, Слова Вселенной".
5. Галина М.: "Читая Айги, я слышу многоголосие. Что это? Сначала я не понимала, а теперь начинаю осознать: это говорит со мной мироздание - это вечность собирается в Боге - Слове Айги, и я это слово слышу".
6. Ярослав В.: "Никогда не думал до встречи с Айги, что можно так углубляться в поэзию-символ. Это сама Вселенная говорит со мной. Мне понятен теперь и "Чёрный квадрат" К. Малевича".
7. Фарид И.: "Вечерами я часто разговариваю с Миром, он слоист, сложен, но захватывающе манящ. Этому я научился у поэтов-символистов и Айги. Звуки Вечности таинственны..."
8. Света П.: "Стихи Айги, как и стихи символистов, богаты интонациями, они пробуждают в душе сложное настроение, у меня при чтении Айги, Лермонтова, Анненского возникает слуховые и зрительные образы, я слышу "визг частушки-человечества, "гул Вселенной", шепот лепестка ромашки, розы, плач озера, птицы, крик круга-жизни, пение сосен - это торжественное пение о Вечности..."

Вернер Краус подчёркивал, что "произведение словесного искусства пишется не "в белый свет" и не для последующей славы, но в расчёте на конкретного получателя" (38, С.66). Он писал, что литература - "это не собрание языковых препаратов и не коллекция образцов духовного самовыражения, но "исполненная смысла совокупность взаимосвязанных воплощений, проблем бытия соответствующей эпохи, воплощений, имеющих характер высказывания, задуманных как послание, которое должно быть кем-то воспринято" (39, С.39).

В 1994 г. у нас была встреча с Айги. На вопрос: кому адресовано ваше творчество, - поэт ответил следующим образом: "Оно адресовано всем, оно написано, чтоб пробудить мысль человека. Мои произведения написаны для философских раздумий." Послания Айги восприняты нашими читателями. Магия слов Айги завораживает, например:

Ты - в каждой точке
этой зримости
("И: словно отделяясь")

1965

А.И.Белецкий пишет, что магия слов господствует в первобытной поэзии (16, С.80). Может быть, творчество Айги приближается к той первооснове, по этой причине и завораживает читателя, как завораживало читателей творчество символистов, являвшееся, по словам В.Иванова, "органом мировой души". Творчество Айги также исходит из глубин действительности (по Д.Мережковскому), этим самым роднится с творчеством символистов.

Айги, как символисты, стремится "к духовной независимости" (по Фризову), Балмонт говорил, что символисты чувствовали близость неизвестного нового, новое, - эмоционализм (по В.Кондратьеву), чувствует и Айги; Балмонт также говорил, что символисты находятся в среде идеальности, а реалисты являются "табами материи;" нам кажется, что эти две линии Айги тонко соединил в своём творчестве в одну линию восприятия.

В. Иванову символизм казался воспоминанием о "её первоначальных задачах и средствах." Творчество Айги, как нам кажется, также приближается к той первооснове. В. Иванов говорил, что у символистов слово несло "энергию." Василий Кондратьев также пишет о том, что он "предчувствует эмоционализм, что у него новое поэтическое видение - эстетика поэтического восприятия" (66, С. 142).

Есть ли в творчестве Айги элементы символизма? Прежде, чем ответить на этот вопрос, приведём тезисы философов и литературоведов о символизме.

Тезис №1. "Символы, - писал Д. Мережковский, - должны естественно и невольно выливаться из глубины действительности. Если же автор искусственно их придумывает, (...) они превращаются в мёртвые аллегории. Символизм делает самый стиль, самое художественное вещество поэзии одухотворённым, прозрачным, насквозь просвечивающим" (77, С. 42). Он считал русский символизм самостоятельным явлением только русской литературы.

Тезис №2. "Романтизм, реализм, символизм - это три стадии борьбы художников за свободу" (100, С. 9). Брессов видел в символизме один из этапов общечеловеческого стремления к духовной независимости.

Тезис №3. "Поэты-символисты, пишет Балмонт, - дают нам в своих соданиях магическое кольцо, которое радует нас как драгоценность и в то же время зовёт нас к чему-то ещё, мы чувствуем близость неизвестного нам нового" (12, С. 73).

Балмонт считал, что реалисты являются "рабами материи", символисты же находятся "в сфере идеальности". Балмонт относил к символистам широкий круг мировой литературы - У. Блейка, П. Шелли, Д. Рости, А. Теннисона, О. Уайльда, Э. По, У. Уитмана, Г. Иосена, Ф. Шопенгауэра, М. Метерлинка, Ш. Бодлера, А. Рембо, Ф. Тютчева, А. Фета, Вяч. Иванова.

Тезис 14. Для Вяч. Иванова символизм кажется воспоминанием поэзии о её первоначальных исконных задачах и средствах. Иванов видел в искусстве "вечные законы нравственности" (99, С. 10). Вечной задачей поэзии, по его убеждению, является "заклинательная магия ритмической речи, посредствующей между миром божественных сущностей и человеком" (99, С. 10). Он заострял внимание на энергии слова: "Исторической задачей новейшей символической школы было раскрыть природу слова как символ и природу поэзии как символику истинных реальностей (59, С. 130 - 135). Иванов обожествлял поэта, видел в нём "судьбоносную личность", "носителя внутреннего слова", "орган мировой души," озаменова-теля сокровенной связи сущего тайновидца и тайновидца жизни" (18, С. 258).

Тезис 15. А. Белый писал: "Характерной чертой символизма в искусстве является стремление воспользоваться образом действительности. (...) Образ как модель переживаемого содержания сознания . есть символ" (20, С. 4). А. Белый говорил о том, что "характерной чертой символизма является стремление воспользоваться образом действительности". Эта черта есть и у Айги.

Исходя из приведённого сопоставления, не претендуя на окончательную точку зрения, мы допускаем возможность сделать вывод о том, что точки соприкосновения творчества Айги и символистов имеются. Символизм, "возникший в 80-е годы XIX века как течение французской литературы (П. Верле, А. Рембо, С. Малларме) нашёл приверженцев во многих странах Европы, в том числе и в России" (19, С. 536).

Данный тезис приведён по той причине, что в предисловии к сборнику Айги "Теперь всегда снега" (М.: Советский писатель. 1952) есть слова редактора; Антуан Витет назвал Айги "абсолютным поэтом", Малларме с Волги. "Наивысший творческий взлёт русскому символизму случилось пережить в 900-е годы, что справедливо связывает со вступлением в литературу новой плеяды поэтов: А. Белого, А. Блока,

Вяч. Иванова, И. Анненкова, Владимира Соловьёва, М. Волошица, Иргиса Балтрушайтиса.

"Нас называли символистами второй волны, для меня это название значило: "символисты," но не "декаденты" (19, С. 536), подчёркивал А. Белый. Противопоставляя себя "старшим", "младосимволисты не принимали крайнего субъективизма, самодовлеющего эстетизма и пессимизма "декадентов", отстаивали право творчества как служения высшему началу" (20, С. 5).

Айги также отстаивает "право творчества как служения высшему началу." Символисты чувствовали трагичность мира, Айги также это чувствует.

"Стержень мировоззренческих исканий поэта и философа А. Белого была вера в непреходящую ценность человеческого духа. Айги также верит в ценность человеческого духа. А. Белый писал: "Мы - будем. Будут люди. Будут новые времена и новые пространства" (99, С. 551). Наступили новые времена, а в нём - новые люди (Айги) - продолжатели традиции символистов.

У А. Белого читаем: В намирных твореньях,-

В паденьях-

Течёт бытие... Но- о боже!-

Сознание

Всё строже, всё то же-

Всё то же

Сознание

Моё

("Самопознание." 1914).

У Айги читаем:

Время- одно- лишь одно: говорить о простом
повторяясь пылающим кругом (...)

("Круг." 1989).

Что объединяет эти два произведения? Одно написано в начале XX века, другое - в конце XX века. Оба поэта говорят о бытии. У того и другого чувствуется беспокойство. Оба в поисках гармонической модели мироздания, они - "орган-мировой души." У Айги "время повторяется плавающим кругом, У Белого: "течёт бытие" "в паденьях," в "намирных творениях." "Говорить о простом" - это в простом увидеть сложное, понять его и принять. Творчество А.Белого, символистов было связано с трагическим мироощущением.

Искусство Айги также тесно связано с трагическим мироощущением. В его творчестве возникает вопрос: имеет ли личность право на существование? Этот вопрос ставили символисты, ставит и философия экзистенциализма. И символисты, и Айги, и философы-экзистенциалисты (Н.Бердяев, К.Ясперс, Ф.Ницше) отвечают на этот вопрос положительно. Творчество Айги, как и творчество символистов, пронизывает беспокойство. Во всём творчестве Айги доминирует конфликтное ощущение мира, читатели это чувствуют и передают в своих суждениях, но, несмотря на это, "его творчество похоже на драгоценный камень, который сияет всеми цветами и на каждого производит иное впечатление в зависимости от того, какие глаза и откуда на него смотрят" (31, С.25).

На "драгоценный камень" похоже и творчество символистов. Чтоб доказать, что творчество А.Белого и Айги пронизано трагическим мироощущением, приведём в качестве примера их произведения:

А.Белый: Хотели они надо мной,
Над безумно-смешным дедом Христом. (...)
Яркогазовым залит лугом,
Я поник, зарывав, как дитя.
Потащили в смиренный дом,
Погоняя пинками меня (20, С.7).

Г. Айги: Продвигаясь облеплен насмешками

словно репейником (...)

("Тихина." 1955- 56)

(8, С.9)

Что их объединяет? "Надрыв, крик души непонятого, непринятого, осмеянного пророка" (20, С.7). Но, кроме этого, их объединяет вера в высшую гармонию.

Айги постигает мир не рассудочными путями. Об этом толковал и В.Я. Брисов в статье "Елчи тайн": "Искусство- то, что в других областях мы называем откровением, воздания искусства- это приотворенные двери в вечность" (36, С.370).

Айги "дерзнул" взглянуть за грань, это почувствовали и читатели: 1. Ира Ч.: "Айги владеет сверхчувственной интуицией, ему дано видеть то, что не может увидеть пока ещё человек XX века, возможно, люди XXI века увидят то, что видел Айги, поэтому я отношу его поэзию к поэзии будущего, XXI века".

2. Надя К.: "Айги вышел за пределы возможного видения, его искусство- это искусство освобождения, он и меня зовёт заглянуть за ту грань, но мне не дано пока видеть то, что видит поэт, но чувствовать я это могу; Айги приблизил меня к Вечности, осталось только заглянуть..."

3. Наташа М.: "Поэту дано проникнуть в сердцевину мироздания, он запечатлел эти прозрения, стараясь расшифровать смысл нашего бытия".

Стихи Г. Айги, как и стихи В. Хлебникова (1885- 1922), требуют не безоглядного, восхищённо- возвышенного или резко стрипательного отношения, а честного внимания, чтобы понять. В. Хлебников в "Каменной бабе" писал: Мне много ли надо? Коврига хлеба и капля молока,

Да это небо,

Да эти облака.

Г. Айги в стихотворении "Немного", почти, как и В. Хлебников, произносит:

...Хлеба - немного... и света дневного... -
и - малого шума людского
как пища - для смерти готовой... -
чтоб мирно её мы встречали
как будто мы все и всегда у любого порога -
в страдании братском... -
о наша свобода!... - свеченье душевное:
простое:

("Немного" , 1975.)

Так сказавший не может не услышать будущего. И у Хлебникова и у Айги свои, неподвластные определениям отношения со временем и пространством, "будто был между ними и поэтом тайный... сговор" (96, С.9). И Хлебников, и Айги живут не во времени, а во временах, скитания являются формой их осёдлости (движения и привязанность к месту). "В странной, в бытовой жизни Хлебникова присутствовала "воля быть" (96, С.9). Эта "воля быть" присутствует и у Айги.

Жизненную миссию Хлебников осознал рано и отчётливо - "Стать звонким вестником добра" (96, С.9). Свободно передвигаясь в "правременах", они остро чувствуют время, в котором живут. Хлебников прожил всего 37 лет. "Всего из сотни читавших - 50 называли его графоманом, 40 читали его для удовольствия и удивлялись, почему из этого ничего не получается, и только Ю знали и любили этого Колумба новых поэтических материнств..." (96, С.9). Эти слова мы можем отнести и к Айги. Самое трудное у Хлебникова - прочитать Хлебникова, самое трудное у Айги - прочитать Айги - то есть в словесных построениях отыскать поэзию. Айги, как и Хлебников, не тотальный новатор, он поэт глубокой национальной традиции (мифология, народ-

но- поэтическое творчество, поэзия XVIII- XIX веков, поэзия современников), и там, где он сумел её органически преобразить, там "новое слово русской и мировой поэзии". Хлебников говорил, что "моё мнение о стихах сводится к напоминанию о родстве стиха и стихии" (письмо к А. Кручёных от 31.08. 1913) (96, С. 10). Это родство видит и Айги: "Море и ветер могут сами по себе, - "и без нас". Таков и язык. Поэт входит в язык, - язык зарабатывает соответственно его энергии. Для меня нет техники, потусторонне ожидающей, когда её "применят", "техника возникает в "огне" и "теле" самой работы. Сегодняшнее стихотворение я чувствую "свободным", то есть вбирающим в себя любые ритмы и "размеры", не чурающимся и рифмы, легко обходящимся и без неё... - такое стихотворение похоже как бы на природу: это *вольное поле и лес, а не "классический парк"* (6, С. 29).

В свободном стихе (по Айги) есть признаки того, "что мы бессознательно стараемся удалиться от многовековой застывшей городской культуры" (6, С. 32). Свободное стихотворение (по Айги) и похоже на своеобразную "модель природы" (6, С. 32). Айги напоминает о том, что свободный стих должен быть уникальным: "... свободное стихотворение могло бы иметь свои прообразы в виде камерно-инструментальной музыки... - настолько серьёзным мне кажется сохранение стихии музыкальности в так называемом верлибре" (6, С. 33). Читатели экспериментального класса чувствовали музыку в стихах Айги:

1. Аня Р.: "Я слышу музыку, когда читаю Айги".
2. Лена Ш.: "Я слышу в стихах Айги музыку Вселенной".
3. Оксана И.: "Я не совсем понимаю стихи Айги, но я слышу звуки музыки, и они пленяют меня".
4. Надя К.: "Таинственные звуки музыки покрывают меня своей визуальностью - таковы стихи Айги".
5. Фарид И.: "Когда я вступаю в диалог с Айги, я слышу небесные звуки".

И там, где стихи Хлебникова и Айги улавливают стихии истории и природы, будущего и настоящего, торжествует поэзия:

Прощайте все!

Прощайте, вечера, когда ночные боги, одни пастухи,

В деревни золотые вела свои стада.

Бежали буйволы, и запах молока вздымался деревом на небо

И к тучам шёл...

(В. Хлебников. "Ручей с холодной водой...")

дом - или мир

где я в погреб спускался

белый был день - и я

за молоком - это долго держалось

спускаясь со мной: это был

день - как река: наплывающего

расширения света

в мир перекидываясь:

события был - творцом

в возрасте

первотворений - (...)

(Айги. "Дом - в роде мира.")

У Хлебникова вечер в горах, его запахи, тонит, есть жизненная сила, "грандиозность обывенности" (96, С. II). У Айги день в деревне, день как река, дом - "как мир", у него тоже "грандиозность обывенности" чувствуется, видится. Хлебников в одной строчке способен "явить огромный смысл" (96, С. II). Например: Вот Лена с глазами расстрела. Мы видим, как из строки исходит боль.

И Айги способен явить в одной строке "огромный смысл", например: быть - вселенной-ребёнком

(Дом в роде мира).

У Айги мы видим желание поэта слиться с Вселенной, сохранить

при этом ту первозданную чистоту. Хлебников прорывался в "бездонный смысл бытия" (96, С. 12):

Река времени не терпит льда.

(Хлебников. "Жизнь лесная".)

Прорывается в смысл бытия и Айги:

день- как река

(Айги. "Дом в роше мира".)

"Путь к отчужденному дому этого "блудного сына русской поэзии был очень извилист, полон "шаманства" со словом" (96, С. 12). Путь Айги к родному дому был также извилист, полон "шаманства" со словом (а он и есть из рода шаманов). Приход Хлебникова в русскую литературу связан с футуризмом (по сравнению с символистами и акмеистами, которые мыслили своё дело в пределах культуры, футуризм осознаёт себя как антикультура, пытается построить здание "искусства будущего"). Само слово "футуризм" заимствовано у итальянских модернистов, означает будущее (от латинского: *futurum*).

"Положительная программа футуризма сводилась к требованиям перестройки русской словесно-поэтической иерархии на началах полного освобождения слова как такового, разрушения синтаксиса и грамматики в целях беспредельной свободы творца-поэта, создания "разумного языка", который есть: грядущий мировой язык в зародыше- только он сможет соединить людей" (Хлебников (96, С. 14)).

Изгнав сердце и душу, футуристы мало чего добились, но у Хлебникова и Айги душа и сердце присутствуют, хотя у Айги мы встречаем и "разрушение синтаксиса" и полное освобождение слова.

Поэзия Хлебникова И. и Г. Айги держится не на переживании "чего-то" или на размышлениях о "чём-то". Поэты писали само утро, а не об утре, сам вечер, а не о вечере, сам день, а не о дне. "Каждый мимолётный образ оказывается точным <...> созданным вновь". (96, С. 20).

Язык Хлебникова и Айги мудр, так как является частью природы, эту мудрость понимали читатели экспериментального класса:

1. Наташа Р.: "Стихи Айги вмещают в себя мудрость мира".
2. Ира Ч.: "Я мудрости учусь у поэта-модерниста Айги, это он научил меня слышать и видеть мир".
3. Мария В.: "Слово Айги многомерно, оно, как у футуристов, осязаемо весьма, ибо вмещает в себя мудрость мира. Айги научил меня мудро относиться к словам, научил видеть их величину, осязать".
4. Антон С.: "Слова Айги разноизлучаемы, там нет одномерности, они просты и мудры".

идут
"Разными путями" провозвестники новой поэзии к исходным идеалам - к открытию в художественном творчестве тайн мира, обогащению русской поэтической культуры во имя их разгадки" (197, С. 334). Айги познаёт тайны этого мира, зовёт и нас познать их; читатели экспериментального класса, воспринимая поэзию Айги как модернистскую, высказывались следующим образом:

1. Алёша А.: "Я согласен с тем, что стихи Айги по форме близки к работам футуристов, здесь интересно его внимание к слову; слово у него слышимо, видимо, осязаемо, оно объяснимо ("Гул бедн", "движенья опасны", "здесь отболеть"...), но мне кажется, что в содержательном смысле он антифутурист".

Читатель (Алёша А.) расшифровал Айги, ибо сам поэт не раз говорил, что стихи его по смыслу антифутуристичны.

2. Катерина К.: "Идя за русским авангардом начала XX века, Айги находит свои пути выразительности. Стихи его лаконичны, фразы, как в жизни, часто обрываются; я вижу у него ти-

ре, двоеточие, паузу — это характерно для Айги. Мне нравятся расширивать его паузы, знаки, буквы, одна буква пороп заменяет всё предложение: а, колебало, а...

У Айги здесь своя гармония, он говорит о чистоте детских помыслов, тема детства — одна из основных тем поэта. Почему? Там чистота, которая теряется в этом мире " .

3. Света П.: "Интересна его пунктуация, она своеобразна, поэт часто не соблюдает прописных букв. Мне нравятся его паузы, та особое молчание — молчание бога, там тишина, где нет
суети. Его поэзия напоминает мне поэзию В.Хлебникова, В.Маяковского, У них тоже есть паузы, где присутствует тишина экзистенциального постижения мира, но у Айги тишина часто наполнена болью, переживанием, ибо одним из основных мотивов его творчества является мотив боли, но его боль просветляется, ибо рядом со светом: боль, смерть, кровь, рана, крик присутствуют другие: свет, душа, чистота, тишина, Бог " .

Читатели обратили внимание на модернистский характер поэзии Айги, отметили особенности его письма, пунктуации, увидели паузы, но самое главное — они заметили основной мотив его творчества — мотив светлой боли, назвали его поэзию футуристичной по форме и антифутуристичной по содержанию.

ТВОРЧЕСТВО АЙГИ - ПРЕДЧУВСТВИЕ ЭМОЦИОНАЛИЗМА

Поэзия Г. Айги - "новая" русская поэзия - не противоречит традиции, а сознает себя последующей за "новой" поэзией предыдущего времени. Наследие Г. Айги сегодня принципиальное в русской, чувашской поэтической практике. Проследить новое отношение, которое рождает к текстам Г. Айги сложившаяся поэтическая практика XX века, назовем ли мы ее модернистской, постмодернистской или авангардом, является целью данного параграфа.

Текст Геннадия Айги можно отнести к эстетике поэтического высказывания. Возьмем стихотворение Г. Айги от 1903 года "Вздрог ромашки":

Облачно! -
так ли мгновенье
(невидимость - видимость)
Смерти б. мсей покачнулась однажды -
(что же
мне выбрать
грозке):
ветр - драгоценностью - мельком! -
словно в полете
проснувшегося мною - первичным:)
свежесть! -
отсутствия памяти.

Погружаясь в текст данного произведения, Галина М. рассуждает:

"Мгновение - вздрог ромашки"

Поэт останавливает свой взгляд на этом мгновении, вдруг ромашка от ветра наклонилась ему "облачко". Ветер-драгоценность, "бо он мгновенно превратил лепестки ромашки в облачко. Поэтом останавливает миг жизни, один только миг, но он заставляет нас взглянуть на этот миг, заставляет остановиться, расхититься этим мигам.

Ветер, "драгоценностью" ставший, подарил поэту "свежесть".
А нам? Мы также видим это облачко, нас тоже коснувшись эта све-

жесть, заставила остановиться, вспомнить такие мгновения, мгновения бытия. Бытие в мире, бытие складывается из мгновений, но не каждому дано увидеть это мгновение. Г. Айги увидел и нас позвал за собой к этому мгновению, которое считает нас, ибо несет "свежесть" мироощущения, бытие. Восторг и ужас, беспокойствие и неуравновешенность - вот пафос этих строк и всего творчества Г. Айги., и это почувствовала Галина М.

Катерина думает: "Восторг... В чем он? Поэт лобуетя лепестками ромашки, их свежестью, мгновением вздрога ромашки, но поэт, по моему мнению, испытывает и ужас. От чего? От отсутствия памяти. Здесь и восхищение и предупреждение. Но все это стихотворение пронзило какое-то предчувствие беспокойствия, неуравновешенности. Все зыбко в данном мире, все преходяще: жизнь, смерть, покой, беспокойство. "Но, - говорит Г. Айги, - остановитесь, всмотритесь в мгновение вздрога ромашки, оно вам расскажет о многом. О чем? Оно заставит задуматься о вечном: О жизни! о Смерти! О Памяти! О Драгоценности бытия." Мы видим в тексте эстетику поэтического высказывания, ибо вкрапление внутренних, сущностных связей между человеком и миром есть везде, надо только уметь увидеть эту связь. Катерину это стихотворение заставило задуматься о драгоценности бытия .

Г. Айги увидел конкретные детали: "Вздрог ромашки", "облачко", мгновение смерти", "ветер" ^{образы} эти обладают внутренним смыслом, несут в себе эстетику бытия, доносят до нас не однозначное состояние души: восторг и ужас. Это пафос поэзии Г. Айги, а значит, и жизни; его увидели читатели.

Этот пафос (т.е. пафос стихотворения Г. Айги) рождает пафос читателя, читателями были учащиеся школы № 16 г. Новочебоксарска. В качестве примера приведем ЭССЕ ученицы данной школы:

"Каждое существо, живущее на земле, каждая былинка, растущая

на земле, стремятся к гармонии. К какой гармонии стремится ромашка? Что может быть общего между ромашкой и гармонией? Ромашка - сама гармония. Она вобрала в себя все мироздание, ее телоформа имеет свое содержание, надо только его увидеть. Г.Айги увидел, я попыталась увидеть... Но "ветер", уносящий временами все сущее с тела Земли, хочет разбить, уничтожить гармонию, заложенную природой в ромашке, но ромашка лишь вздрогнула, сохранив свою первозданную свежесть, но этот вздрог напомнил поэту, что нет ничего вечного, что надо ценить то мгновение, которое в данный момент дарит тебе Жизнь. Восторг и ужас посещают не только поэта, но и меня, но "ветер" уносится, гармония восстанавливается, жизнь торжествует..."

(Лена . 1994 г.)

Новое художественное видение привело к переоценке средств выражения, то есть к изменению сложившихся представлений о поэтической форме, к расширению ее границ до крайней степени, может быть, даже до условности. Возьмем стихотворение Г.Айги

" О этот лес (а напомнила -
кухонная утварь: лишь это ночами -
вокруг):

О

как други
вы бедные вещи: о сколько мы были
вместе-безмолвными (знаю:

не слыша;

поддержку):

будто

и я

и разрозненно - скрытые - вы

где-то - в лесу!... -

а ведь лучшие это

были мне годы: там юные липы - богами раскрывшись:

словно незримостью в глубях молчали! - и ясным

слухом - я висился! - так вечеряли:

ясные - ясному!.. - лес очищался:

смысл - раскрывался! = блаженство общения:

дальше - все дальше! - прозрачность без вида, - таким

углублением:

будто я в этом — давно отмененный: а чтоб — просветляться
разгадкой:

зная не помнить —

где будешь равно что не будешь

1982

(8.С.252.)

В этом произведении нет устоявшихся поэтических форм (классических), здесь расширены границы до крайней степени условности, но в этой условности такая экспрессия чувств, такая энергия, которая нас увлекает к познанию не только души поэта, но и души собственной.

Это стихотворение — энергия. Приведем рассуждения читателей ПУ № 15 г. Новоочебоксарска.

Марина И. рассуждает: "Хотя Айги и имел друзей, находился среди них, но все же он чувствовал себя одиноким, думал, что его никто не понимает, но он чувствовал, что внутренне кто-то его поддерживал, понимал, но не говорил об этом во весь голос. А он, по-моему, ждал того, чтобы его поняли окружающие люди, увидели прозрачную глубину. В конце стихотворения он пишет: "... яснее — ясному!.. — лес считался смысл — раскрывался = блаженство общения"... Этими строчками он хотел, по-моему, сказать, что его когда-нибудь, не сразу, но все равно поймут. Его поймут и воспримут друзья, окружающие и, конечно же, общество, в котором он живет".

Ирина пишет: "Человек, находящийся в окружении людей, остается вдруг в одиночестве. Значит, этого человека никто не может понять в этом обществе. У Айги, как я поняла из этого стихотворения, другом стал лес. Лес большой и живой, там много прекрасных вещей, которые окружают его. Этот человек понимает природу, он преклоняется перед ней, как перед настоящим другом. Айги пишет стихи, которые нужно читать дома в тишине, в каждом его слове — огромнейший смысл, который нужно суметь понять, а иначе — нельзя".

Елена С.: "У Айги стихотворения какие-то философские, трудные, одиночество чувствуешь."

"Знаю, но - не слышу поддержки", - пишет он. Он как бы чувствует внутренний голос народа. Его стихотворения надо читать ^{и медленно}, думать над каждым словом, ибо каждое слово - эмпириальный заряд:

И разрезанно - ~~скрытно~~

Вы где-то в лесу!..

народ видит все, но не говорит открыто - "скрытные - вы где-то в лесу!.."

смысл - раскрывался - блаженство общения.

Он мыслит, делится блаженством общения, ему приятно от разговора с лесом - народом.

Ксения И.: "О, ^{как} други вы белые вещи". Для того, чтобы понимать стихи Айги, оказывается, надо глубже проникать в его творение и научиться мыслить о жизни на философском уровне. Этот поэт удивителен тем, что умеет раскрывать свои мысли в таком виде, что читающий ставится в трудное положение, но все же старается осмыслить суть его слова."

Светлана П.: "Прочитав его стихотворения, я представляла себе многое. Но обо всем писать не буду. Мне представлялись людьми, которые поддерживали, вдохновляли поэта, помогали быть, хотя они его не воспринимали, не хотели воспринимать. Но Айги верил в то, что они поймут его, начнут воспринимать, он продолжал писать, несмотря ни на что. Стукла бралась у него энергия? Айги с людьми старался быть простым, жизнерадостным. И эта энергия помогала ему избегать ударов судьбы. Именно эта энергия помогала писать ему свои стихотворения."

Ирина В.: "В этом стихотворении красной нитью проходит мысль об одиночестве поэта. Когда писалось это стихотворение, Айги, по-

всему, чувствовал себя Робинсоном на острове людей. Его друзьями стала теперь утварь, с нею он общается, ей доверяет свои сокровенные мысли.

Он как маленький кустарник в лесу людей. И все они такие большие, что им нет дела до него.

Айги - как маяк в море людей!"

Новое художественное видение привело к переоценке средств выражения, то есть к изменению сложившихся представлений о поэтической форме. Но форма не рассматривается Г. Айги в отрыве от содержания, у него каждое стихотворение дышит чем-то большим, объемным, которое захватывает читателей, чему служат доказательством приведенные рассуждения читателей ДУ № 13 г. Новочебоксарска.

Здесь можно вспомнить фразу из "Декларации эмоционализма" о том, что "преодоление материала и формальность условие успешного творчества, а не задача его и не цель" (66. С. 143).

В 1923 году появилась "Декларация эмоционализма", которая впервые раскрыла суть эстетики поэтического высказывания, помогла понять поэзию М.А. Кузмина (1875-1936 гг.), который первый предпринял попытку эстетического высказывания в поэзии. Творения М.А. Кузмина можно воспринимать как "предельно личностное творчество, адресованное малой аудитории, сочувствующей поэту" (Дж. Мальмстад).

М.А. Кузмин, представитель акмеизма, отстаивал эстетику поэтического высказывания. Акмеизм (слово греческого происхождения) перешел как "высшая степень чего-либо, цвет, цветущая пора" (97. С. 151). Как мы понимаем эстетику поэтического высказывания? Это смысловая и образная насыщенность. Есть ли такая насыщенность у Г. Айги?

Лирическая исповедальная тема на пределе эмоционального напряжения делает условной границу формы и получает выражение в сильной скатости письма, которая безошибочно принадлежит поэзии.

Геннадий Айги едва ли не первым из поэтов советского времени, сохраняя традиции авангарда, изменил замкнутому существованию в самодостижимости отечественной литературной жизни.

Художник — поэт, принимая этот "слотный мир", движется к своему "маяку"; если в начале пути он и светит еще неясно, но это свой маяк, это свой путь. М.А.Кузмин говорит, что художники стремятся "узнать" и запечатлеть этот мир, но каждый по-своему. У Г.Айги свой маяк, но на его маяке есть та лампа, что высвечивает и слово "эмоционализм", что впервые сказано М.А.Кузминым. У Г.Айги кажется слово несет свою эмоциональную нагрузку, свой эмоциональный смысл.

В жизни каждого человека наступают моменты, когда, будучи ребенком, он вдруг скажет: "Я — и стул", "я — и кошка", "я — и мяч", потом, будучи взрослым: "Я — и мир". Независимо от будущих отношений его к миру этот развешивательный момент — всегда глубокий поворотный пункт. Похожее, отчасти, происходит и с искусством, периодически — то размеряется, распределяется и формируется дальше его кланы, то ломаются доведенные до совершенства формы новым началом хаотических сил, новым нашествием. Это новое я вижу у Айги.

Но, оглядываясь, мы видим, что периоды творчества, стремящегося к ясности, необходимо стоят, словно маяки, ведущие к одной цели, и напор раздражительного прибора придает только новую глянцевитость вечным камням и приносит новые драгоценности в сокровищницу, которую сам пытался извещивать.

"Тихие воды" бытия плещут о борт поэзии, но вот тишина кружится разрушительным прибором. Что он несет? Хаос? Гармонию? Да, хаотические силы могут, подобно взрывам, нести в себе разрушительную силу, но ведь бытие знает и другое: после бури и шторма по-новому сияют берега, какутся еще загадочнее, сильнее манят к себе. Этот хаос несет и очистительную силу, в этом хаосе есть и зародки будущей гармонии. Не в них ли, этих зародках, пишет Айги, и бо

в мире господствует одна гармония, и поэт должен стремиться к ней, открыть для себя эту гармонию.

Но все дело в том, что одни поэты видят гармонию в хаосе, у них сам хаос — начало гармонии. По моему мнению, творчество Г. Айги как раз составляет ту высшую гармонию, но, к сожалению, эту гармонию, рождающуюся из самого хаоса, не каждому дано увидеть.

Исходя из вышесказанного, мы можем сделать вывод, что в поэзии Айги читатель увидел своеобразие, что маяком для Г. Айги является гармония, рождающаяся из самого хаоса.

Есть художники, несущие людям хаос, недоумеваящий ужас и расщепленность своего духа, и есть другие — дающие миру свою стройность. Нет особой надобности говорить, насколько вторые, при равенстве таланта, выше и целительнее первых, и нетрудно угадать, почему в смутное время авторы, "обнакавшие свои язвы, сильнее бьют по нервам".

Несут ли произведения Г. Айги хаос, "недоумеваящий ужас", или "стройность"? Вероятно, стройности! Докладом этого тезиса являются ЭССЕ учащихся школы № 16 г. Новочебоксарска, написанные в 1994 г. после прочтения ими стихотворения Г. Айги "Отъезд".

Забудутся ссоры,
отъезды, письма.
Мы умрем, и останется
тоска людей
но еле чувствуем уму следу
какой-то волны, ушедшей
из них снов, из их слуха,
из их усталости.
По следу того,
что когда-то называлось
нами.
И зачем обижаться
на жизнь, на людей, на тебя, на себя,
когда уйдем
от людей мы вместе,
одной волной,

когда не снега и не рельсы, а музыка
будет мерить пространство
между нашими могилами.

1958

("Отъезд") (8..С.12)

"Отъезд. Что пов этим пролумывается? Отъезд на несколько дней, может лет? А может, уход в небытие? Что ты можешь оставить в памяти окружающих тебя людей? Тоску, горе, а может, радость от того, что ты ушел? Тоска людей по еле чувствуемому следу какой-то волны". Волны - как чувства, которые временами накатывают в душу человека, временами устраивая буря, которая рушит все созданное.

Все, что ты делаешь, все отражается, и поэтому ты не можешь обижаться на жизнь, так как сам ее строишь. Мы уйдем, мы все уйдем... Волна нахлынет на берег и сметет все, что там есть, так и нас сметет волной, которая или соединяет ... людей, или безжалостно разъединяет их. Не расстояние будут мерить между могилами, а души соединять воздино. Пенне ангелов, божественная музыка будет мерить пространство...

Спасибо Айги, он заставил меня задуматься о сути бытия, я не хочу, чтобы люди радовались моему отъезду в вечность. Значит, надо мне так построить жизнь, чтоб осталась ниточка, пусть малая, но ниточка доброй памяти" (Лена Ш.).

"Айги хотел сказать, что когда мы умрем, то после нас останется тоска людей. Г.Айги слово "умереть" заменил словом "отъезд". Отъезд в душную местность, страну, а может быть, на небо. При отъезде становится очень грустно, появляется желание остаться навсегда здесь. После каждого человека что-то остается. После одних остаются дела, произведения, мысли... А после других остаются только злобные воспоминания. В слове "отъезд" зашифровано многое... Я прочла его и поняла, что надо быть, тогда отъезд не страшен" (Истата А.).

„Смерть - отъезд. Отъезд в мир призраков и теней. Кто-то останется в памяти людей, а кто-то - нет. Мы все отойдем в мир иной. Наше место займут другие: более лучшие или же худшие. И так же будет продолжаться до тех пор, пока будет существовать наш мир. Это как одна волна сменяет другую. Зачем причинять друг другу боль, огорчения, когда мы все окажемся там, все вместе, как одно целое, и поэтому не надо тратить времени на раздоры, ссоры и споры между собой. Отдать большую часть себя и не жалеть об этом. Мы не будем жить вечно, Но в этом ли суть? Всеї жизни воплощение - мгновение" (Наташа М.).

После работ читателей мы вправе сделать вывод, что работы Г. Айги рождает в душе читателя гармонию, что, прикасаясь "к обнаженным ранам поэта, читатели тоньше чувствуют гармонию мира.

"Пусть ваша душа будет цельна и расколота, пусть мироощущение будет мистическим, реалистическим, пусть приемы творчества будут импрессионистическими, реалистическими, натуралистическими, содержание - лирическим или фабулистическим, пусть будет настроение, впечатление - что хотите, но, умоляю, будьте логичны в замысле, в постройке произведения, в синтаксисе" (71. С. 475).

Душа Г. Айги цельна, но и расколота. Чем цельна? Гармонией! Чем расколота? Дисгармонией мира! Миропонимание Г. Айги и реалистическое, и мистическое, порою - скептическое и даже идеалистическое, но при всем его многообразии его не покидает логичность.

Логичность в замысле, логичность в построении.

Для доказательства возьмем стихотворение Г. Айги, напечатанное в газете "Советская Чувашия" от 19 октября 1994 года.

"Сна-шевеление - побольше меня!"

Сна шевеленье - побольше меня!

а в подспулье

дальнее, а - это - ты?:

огнь-узнавание (все более - лес
озаряясь поляной).

Атнер Хузангай, анализируя данное произведение, пишет:

"... Все начинается со Сна, который всегда играл важную роль в мире поэзии Г. Айги, а здесь даже овладевает личностью автора. Но где-то вдалеке есть тайное "а - это - ты?" Кто она? Любимая? "Женщина справа"?

Огонь часто у Айги ведет к небытию, к теме Смерти. В этом стихотворении "Я" и "Ты" узнают друг друга, знакомятся через Огонь. Узнавание происходит в Лесу. Лес - святое место для нас и нашего поэта, которое является одним из ключевых архетипов чувашского мирозерцания" (ИЗ. С.3).

Присутствует ли личность в данном произведении? Да! Одно суждение выкристаллизовывается из другого:

"Сна-шевелење - побольше меня".

Это первое суждение, и из него вытекает следующее:

"а в полспулье

дальнее, а - это - ты?"

Далее после двух суждений - откровений, следует вывод:

"огнь-узнавание (все более - лес озаряясь поляной)".

Требования М.А. Кузмина соблюдаются: логическая стройность выдерживается, произведение становится понятным, хотя здесь присутствует, наряду с реалистическим, и мистическое миропонимание:

"а в полспулье, а - это - ты?"

"огнь, - узнавание".

Многие, даже ^{говорят} люди ученого мира, относятся к произведениям Г. Айги скептически, что они непонятны, неинтересны, скучны, и чтобы доказать обратное, позволим привести работы экспериментального 10-го класса школы № 16 г. Новочебоксарска.

В классе было Звучащихся, всеми произведение понятие, принято, проанализировано, двое из них (К. Васильева и Ф. Ибрагимов) сочинили свои произведения, где были свои образы, свои "майки", своя эстетика поэтического высказывания. В доказательство приводим данные работы:

"Сна - шевеленье - побольше меня

а в полспулье

дальнее "а-это-ты":

огнь - узнаванье

(все более - лес

озаряясь поляной)

В этом стихотворении Геннадий Айги размышляет о силе сна. Каждый из нас видел и видит сны. В детстве они все более цветные, а уже в зрелом возрасте почти у всех черно-белые. Но есть люди, которым и в зрелом возрасте снятся цветные сны. Значит, у этих людей необыкновенная и удивительная душа. А какие сны снятся Айги? Вот как он пишет:

"Сна - шевеленье - побольше меня".

"Сна - шевеленье"... Очень интересно сказано. Он довольно четко отразил сон, его движение - "шевеленье". Сон как будто шевелится в нашем полсознании..."

а в полспулье

дальнее "а-это-ты".

"А-это-ты?" Кто или что "это-ты"? Что под этим словом подразумевают Г. Айги? Этим "ты" может быть и каждый из нас, и все другие, и та одна, это может быть и Ночь, и Небо, и Надежда... Но, как говорит далее сам Айги:

"а-это-ты":

огнь - узнаванье

Когда видишь сон, то ты видишь что-то новое / но близкое и знакомое / и начинаешь в этом что-то узнавать. И это узнавание

Айги сравнивает с огнем; огонь - узнавание...

"Все более лес оваряясь полною"

И вот Айги видит то новое, близкое, знакомое и, самое главное, родное... Это родное - лес. Марина Цветаева в одном из своих стихотворений писала:

Я тебя украду у всех земель, у всех небес / Потому что лес -
моя колыбель, и могила - лес...

У Г. Айги "лес", наверняка, имеет то же самое значение.

Лес - колыбель.

С лесом может поговорить, он что-то родное и очень-очень близкое. Только в лесу можно быть по-настоящему счастливым, свободным и спокойным. Только лес примет тебя. Живого... Или мертвого... И вот Айги видит лес. И вдруг лес озаряется полною. Но как? В русском языке есть слово "озариться".

Озариться светом. Но озаряется полною?.. Но вместе с тем, нам это кажется простым, и понятным, и даже прекрасным. Лес, озаренный полною. Сразу представляется зеленая поляна, пенек, тени берез, слышим переливы птиц, шелест веток деревьев. Представляется сказка. А хотелось бы, чтобы эта сказка стала реальностью. А как известно, сны имеют обыкновения сбываться (Анна Р.).

"Сна - шевеленье-побольше меня.

Сна-шевеленье. Что это? Это, наверное, что-то удивительное...

В Норвегии есть одна сказка. В ней говорится о далекой маленькой полянке, и в домике на этой полянке живут маленькие человечки, которые плетут сети снов. И как только засыпает человек, эти люди приходят к нему и накрывают голову этой сетью. И человеку снятся удивительные сны. Сны... Сны больше нас и сильнее. Сильней своей красотой и мудростью. И может, - это не земное явление? А может, наоборот? Наоборот, земное. И может, - это исходит от самих нас, от людей. И может, это мы пальниее. Дальше чего? Может, мы погружаемся в самих себя. Может, - это наши чувства во снах? Может, любовь? Любовь в

к лесу, любовь к огню. И только поляна может остановить этот огонь
(Мария Э.).

"Сны - это предсказание, может быть, будущего. Мы живем во сне и наяву. А может быть, мы живем по-настоящему во снах, а не наяву. Иногда мне кажется, что я живу лучше во сне. Совсем недавно мне приснился сон, будто я иду по широкой, длинной дороге, и эта дорога была вся в цветах, не было ни одного места, где бы не было цветов. Эти цветы были разные, были и красные, и синие, каких только не было. И я иду по этой тропинке вперед и даже не оглядываюсь назад. Не знаю почему, но я боялась оглянуться назад. Может быть, я боялась, что все это исчезнет. Мне даже было жалко наступать на эти крохотные цветочки. Я искала пустое место, куда бы можно было наступить, но его не было. Но во всей этой цветущей красоте мне было боязно, я боялась наступить на какой-нибудь цветок и поранить себе ногу. Я шла по этой беспечной дорожке бо-сиком. Сон мой кончился тем, что я радовалась всему этому, я, глядя в небо, улыбалась долго-долго, когда проснулась, на моем лице была улыбка. И эта самая улыбка была у меня весь день. Я не знаю, что означает этот сон. Но, в одном, я уверена: что-то похожее у меня в жизни будет. И сон этот приснился мне после прочтения творения Айги "Сна - шевеленье - побольше меня". Может, цветы - это мысли Айги... Это стихотворение не оставляло, оно будило мысли, рождало сны, необычные, яркие, где "огнь - узнаванье".

"Сна - шевеленье - побольше меня!

а в полспулье

дальнее "а-это-ты":

огнь - узнаванье (все более - лес озаряясь поляной)

Сон - я. Сознание - сон. Не каждому дан огонь узнать себя, пусть даже во сне.

Сон - наслаженье. Внушением могуч человек. Наслаженье земное - ничто. Я - Сон! Ты наше спасенье! Заполний и учи нас

своим огнем! (Наташа Н.)

Сон = страх? Ничтожный человек боится сна - огня. Для него он ужас. Он истощается. Айги огня- сна не боится.

Сон = жизнь = (Смерть)!? Во сне живем, а в жизни умираем. Не об этом ли говорит Айги?

„Люди считают, что сон - это способ отвлечься от суеты мира нашего, но они не подозревают, что к некоторым людям во сне приходят чистые мысли (А.С.Пушкин, Д.И.Менделеев,...). Может быть, и к Г.Айги тоже приходят такие мысли? Может, к нему приходит что-то или кто-то? В его сознании слышится: "а-это-ты". Может, это существо, которого зовут сон? Сон - это почти человек, он обволакивает человека и рассказывает... О чем же он рассказывает?

Сон может пробудить в человеке пропавшие чувства, дать вспомнить о прошлом, подумать о будущем. К человеку приходят разные сны, но откуда они возникают, что или кто их преподносит нам?

Во сне в голове человека может вспыхнуть огонь, который способствует узнаванию нового, например, леса, который своей прохладой успокаивает и влечет в себя, где человек расслабляется и забывается, прикасается к Богу (Алеша С.).

"Сна - шевеленье - побольше меня!" в этих строках заложен большой смысл всего происходящего. Сон! Что, по идее, несет это слово? Какое значение? Сон - это то, что нам недоступно, сны - это то, что видим. И мы хотим видеть сны цветные, добрые, сказочно-красивые. Ведь что представляет собой сон? Это несбывшаяся мечта, это сказка либо с хорошим концом, либо - с плохим. Мы погружаемся в небытие. Там, где нам хорошо, и, там, где мы хотим, чтоб нам было хорошо. Вель происходящее во сне недоступно тем, что мы не можем предсказать дальнейшее событие. И лишь его шевеленье, шевеленье сна может решить поворот сна. И лишь шевеленье может возвысить сущность человека. "...шевеленье - побольше меня!" Лишь шевеленье сна мне недостижимо, оно выше меня. А в под-

спулье, в подсезнаний, что там происходит? Что там творится? Там идет перевоплощение, переосознание того огня - узнавань. Дальнее "а-это-ты?" Кто ты? И почему дальше? Ты - земля, ты - мать, ты - самое дорогое на земле, ты - вечно любимое, уважаемое и прекрасное. Зачем ты здесь? Этого вопроса даже не надо задавать. Без тебя это уже не то, без тебя это уже не так. Так что тебе мы равны и тебя мы ждем" (Наташа).

После прочтения работ читателей можем позволить сделать вывод, что стихи чувашского поэта Г. Айги логичны в построении, понятны учащимся, их анализ был не хуже анализа профессионального критика А. Хузангая, им понятна логика Г. Айги, его символы, его тематика, они видят глубинную суть его произведения. Их душа, как душа Г. Айги, была цельна, устремлена к гармонии мира, они желали вникнуть в мир Г. Айги и проявить себя в этом мире.

М. А. Кузмин, завершая статью под названием "О прекрасной ясности", пишет: "Если бы я мог кому-нибудь дать наставление, я бы сказал так: "Друг мой, имея талант, то есть умение по-своему, по-новому видеть мир, понять художника, способность отличать нужное от случайного <--->, --- пишите --- логично, соблюдая чистоту народной речи, имея свой слог, ясно чувствуйте соответствие данной формы с известным содержанием и приличествующим ей языком, будьте искусным золочим как в мелочах, так и в целом, будьте понятны в ваших выражениях. Любимому же другу на ухо сказал бы: "Если вы совестливый художник, молитесь, чтобы ваш хаос (если вы хаотичны) просветился и устроился, или покушались сдерживаете его ясной формой: в рассказе пусть рассказывается, в драме пусть действуют, лирику сохраните для стихов, любите слово, как Флобер, будьте экономичны в средствах и скудны в словах, точны и подлинны, - и вы найдете секрет дивной вещи - прекрасной ясности - которую назвал бы я - кларизмом" (68. С. 492).

"Маяк есть и у Айги - это его миропонимание, это его слово

с его стoической эстетикой, с "прекрасной ясностью", надо только каждому читателю приложить свои душевные усилия и воспринять его слово, войти в круг его образов и мыслей, в его "просветленное пространство", увидеть в "скупых словах" секрет дивной вещи. М.А. Куз-мин пишет, что "имеющий талант", "по-новому" "видит мир". Г.Айги, имея свой "маяк, свой талант", "по-новому" видит столь старый мир, но не только видит сам, но и нас, читателей, заставляет видеть старый мир по-новому.

Произведения Айги воспринимаются не только сознанием, они оказывают большое эмоциональное воздействие на личность. В качестве доказательства приведем стихотворение Г.Айги, состоящее всего из двух строчек: что за места в лесу? поет их - Бог (и снова - лес), и рассуждение читателя средней школы № 16 г. Новочебоксарска Антоновой Натальи: "Мне кажется, что первым на земле Бог создал Лес, потом - животных, затем - Адама и Еву. Я думаю, что лучше всего находится в девственных лесах, где еще не ступала нога человека, где дарят любовь и спокойствие. Как я люблю находиться в лесу, ведь поет их - Бог. В таких девственных лесах я чувствую себя первым человеком на земле, я ощущаю там чистоту, я возрождаюсь, я чувствую себя в бoльшем теле (как Адам и Ева). Стихотворение Г.Айги опять, даже на уроке, позвало меня в лес, к очищению, к возрождению. Красотой леса я восхищаюсь всегда. Вот я еду в г.Алатырь. Леса Чувашии, леса, леса, они приветствуют меня. Кончился один участок леса, начался другой. Лес - это Бог".

Мы видим из вышеприведенного примера, что стихотворение Г.Айги воспринимается не только сознанием читателя, но и оказывает большое эмоциональное воздействие. Это говорит о том, что данное произведение Г.Айги пробуждает у читателей эстетические потребности, потребности к рассуждению, анализу, прочувствованию, читатель вспоминает те минуты, когда он видел леса, любовался ими,

значит, произведения Г. Айги несут в себе большой эстетический заряд. Здесь мы видим преодоление материала и формы, видим предельную смысловую и образную насыщенность, распространение поэтического словаря на непоэтические по традиции выражения и обороты, стремление к большому энергетическому накалу, мы ощущаем трудность поэтического пути в поисках истины.

У Чорлениса есть полотно под названием "Истина", на этом полотне изображены мотыльки, они летят к огню и там сгорают. Как понять это полотно? Мы понимаем так, что есть исходная и конечная истина, её не дано знать, но у каждого своя дорога к истине, многие сгорают на пути к ней. У М.А. Кузьмина "отбившийся" мотылек сел на руль, а руль - это то колесо, при помощи которого судно направляется к "манку". "Мотылек" сел на руль, он "отбившийся", но он желает также проделать путь к "манку". Истина - по Кузьмину - в прекрасной ясности, в гармонии.

А у Г. Айги?

У Айги тоже есть образ мотылька - бабочки, стихотворение написано в 1982 году, называется: "Белая бабочка, перелетающая через скатое поле" (В. С. 230).

Анализируя данное стихотворение - название, Олег пишет: "На пепел бабочка не полетит, поле скато, не выжжено, оно живо, полно жизни, в живые еще, вероятно, есть цветы, манящие белую бабочку. Она символ жизни, чистых помыслов, поисков истины..." Можно ли не согласиться с читателем? Он имеет свое право на свое видение.

Но одно чрезвычайно интересно: и у М.А. Кузьмина и у Г. Айги мотыльки-бабочки в пути. У М.А. Кузьмина она села на руль и плывет, а у Айги она летит через скатое поле. Только путь приносит очищение. И тот и другой запечатлели мгновения бытия (бабочка на руль села, бабочка летит через поле), еще одно мгновение-и оно-

исчезнет , жизнь будет преподносить новые мгновения, и в них поэты будут открывать новые красоты, новые мысли, новые помыслы...

Василий Кондратьев в статье 'Предчувствие эмоционализма' пишет: М.А.Куз мин своим художественным методом выдвинул отображение сложности окружающего мира приближением к реальной работе сознания, таким образом, осуществляя заявленное в "Декларации" постижение законов элементарнейшего" (66. С.143).

Постигать "законы элементарнейшего" - это, значит, постигать законы жизни во всех ее проявлениях. Эти законы старается постигать и Г.Айги:

Рябина - возглас.

о лепета ярко-прозрачного: в небо направленного - буря! -
о в крапинках крови широкое знамя! - о возглас: шумяще-алеющий
воздух!..

(В.С.58)

Что может быть элементарнее красных ягод рябины? Они . . . суть проявления жизни. Но у Айги рябина оживает, она издает "возглас - лепет", она превращается в "бурю", в "широкое знамя", она заполняет пространство. Г.Айги и нас останавливает, заставляет проникнуть в законы элементарнейшего, в законы жизни, а там: восторг и ужас рядом. Рябина - буря восторга. А вот другое произведение:

"Прощальное"

Памяти чувашского поэта Васyleя Митты

было - потери не знавшее лето
всплу любовью смягченное
близких людей полевых -
будто для рода всего обособленное! -
и жизнь измерилась
лишь той продолжительностью -
времени - ставшего личным как кровь и дыхание -

лишь той ее продолжительностью -
которая требовалась чтобы на лицах
от слов простых
возникали прозрачные веки
и засветились -
от невидимого движения слез

1958 (8, С.11).

Восторг сменяется печалью. Печаль глубинная, личная, ибо было "потери не знавшее лето". Уход Васyleя Митты - это та безмерная печаль, которая долго не покидала Г.Айги, но зчаль смягчалась любовью "близких людей полевых". Полевые люди, какое нестандартное словосочетание. Что напоминает нам этот образ? Полевые цветы... Значит, Г.Айги сравнивает Васyleя и его друзей с полевыми цветами, значит, они так же непорочны, как выросшие в чистом поле цветы. А у чувашей бытует такое сравнение:

"таса, уйри чечек пек".

Значит, Васyleй был чист помыслами, укладом, деянием. Двигается свободный стих, увлекая читателя в свои воды, здесь также мы видим смысловую насыщенность.

Полевые люди просты в проявлении своих чувств, Г.Айги несколькими лишь штрихами показывает печаль:

и жизнь измерялась

лишь той продолжительностью -

времени - ставшего личным как кровь и дыхание.

Но эти штрихи несут в себе такую смысловую наполняемость, что создают образ печали из плоти и крови:

"как кровь и дыхание".

Но этот образ во времени имеет ту продолжительность, "которая требовалась чтобы на лицах от слов простых

возникли прозрачные веки

и засветились -

от невидимого движения слез".

Здесь исчезают границы традиционного стиха, возникает принцип динамической композиции, которая включает в себя напряженный свободный стих, переходящий в интонацию прозы. Обратимся к произведению

"Стланник на камне";

Стланник - стелющиеся по Земле кустарники (85. С. 706)/
Землю и почву - более суровую знал он, чем ту, в которую
ныне хороним.

Прощаемся с Паламовым.

Тело Литературы, мясо Поевни, при "градусах" ала колымского, оторвать от железа, с кусками железа, с его плотью! - такое он совершил.

Был - как умерший при жизни для жизни.

Говорил - Абсолют: свет, из костей выжимаемый,
более верный, чем если бы было - из "дух".

(Ивыне? - да были - "постольку поскольку" строили
комбинаты - "романы" - говоря об Освенциме - мире;

а было: пожарище - на месте что "было"! -

с замерзшим - в - незримостью кайлом - "языком")

Мало уж значит, что тело его - мертвее земли.

(С ним это было и раньше, я знал, что бывало
с рукой, которую он подал мне дважды; прочтите
в его томе, что бывало - с умом).

Оставляем здесь то, из чего было выжато - все,
ставшее Геометрией (не видим, не знаем) Трагедии.

Вернемся в город, в Провинцию Живых. Где будет
иное отныне - пространство - и - тело Поевни:

Живые для жизни не владеют Ее языком.

19 января 1982. (с. С. 244).

"Прощальное" - памяти Васyleя Митты

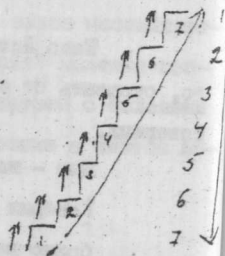
"Стланик на камне" - памяти Шаламова.

И здесь и там - Память. Но как полагается нам Эта память, в какой форме? Мы убеждаемся, что граница классического стиха исчезла, что композиция динамична.

Геометрия Трагедии пронизывает весь стих. Мы чувствуем эмоциональный накал:

1. Такое он совершил
2. Был-как умерший при жизни для жизни...
3. А было пожараще - на месте что,, было"! -
4. Тело его-мертвее Земли
5. Оставляем... то, из чего было выжато-все
6. Ставшее Геометрией Трагедии
7. Прощаемся с Шаламовым...

И вывод: Эмоциональный взрыв - плачь: „живые для жизни не владеют Ее языком (то есть языком поэзии). Семь ступеней Ала; по ним спускался и поднимался одновременно поэт и прозаик Шаламов. Стихотворение принимает форму эстетического высказывания, Эстетического плача - взрыва.

Композиция настолько динамична, что мы ощущаем чувства, взвалившие душу поэта, свободный стих наполнен до предела, он, как иная, пронзает нас своим содержанием: "при гралусах" ала ксдымски живые? - да были - постольку - поскольку...

прочтите , что бывало - с умом.

Освенцим - мир

пожарище...

Читая, представляем картины: стланик на камне (символ мучения, ства, воли, жизни в любых ситуациях). Г.Айги нам показывает од

мгновение жизни: прощание с Шаламовым, но это мгновение становится вечностью, оно и написано для вечности. Видится картина „Освенцима - мира“. Какое сочетание несочетающихся слов, Освенцим - концентрационный лагерь, лагерь смерти, но в этом мире, мире Освенцима/ на „колыме“/жил, творил Шаламов.

Видится другая картина: полуживые люди строят „комбинаты - романы“. История Колымы превратилась в роман - исповедь, в роман - притчу, в роман - хронику.

Понятие поэзии здесь совпадает для Г. Айги с предметом поэзии, так было и для М. А. Кузмина в 20-е годы XX века: интонация и богатая образность составляла поэтическое высказывание.

„В суждениях М. А. Кузмина - критика (а его жизнь в 20-е годы была наполнена критическими работами) форме придалась чрезвычайно важное значение. Критерием была ее справедливость и строгость в применении к предмету произведения. То есть интерес приналежал в первую очередь стилю как оправданию фактуры материала. Кроме этого, суждение М. А. Кузмина отличает четкое разделение „литературных“ и „человеческих“ истоков творчества, предпочтение отдается „эмоциональной восприимчивости автора и работе с живым словом, нежели механическому заимствованию готовых литературных фраз.“ В данном случае понятие поэзии совпадает для М. А. Кузмина с предметом поэзии - скорее, чем с тем, каким образом он выражен (66. С. 143).

Г. Айги также предпочтение отдает „эмоциональной восприимчивости“, работает с живым словом (при галусах ала колымского; пространство - и - тело Поэзии, строили комбинаты - „романы“, об освенциме - мире; было: пожарише - на месте что „было“, тело его мертвое земли; Провинция живых...)

У Г. Айги также нет заимствованных, готовых литературных фраз, каждое его слово выстрадано, он прошел через свой „освенцим - мир“, у него была своя „колыма“, он также был - как умер-

ший при жизни для жизни", у него было свое "пожарище", из него также было выжато все, ставшие "Гесметрией Трагедии" (Галина И.).

М.А.Куз-мин смог угадать действительное направление художественных поисков времени. Работа его отличается от эстетической направленности западных модернистов, определяющейся в реакции на вкусы "конца века" демонстративным обращением к исключительно современному материалу. Здесь он превзошел последнее обращение новой поэзии к полистилистике, которую видим и у Г.Айги в переосмыслении наследия мировой культуры, в утверждении ее неразрывной связи с повседневной современностью. (Г.Айги также принимает мировую культуру, учится у нее, он влюблен в творчество А.С.Пушкина еще с детства, еще с того времени, когда его отец переводил творения поэта на чувашский язык). Характерная черта "новой поэзии" в том, что она преодолевает рамки национальности и, сохраняя своеобразие, все же принадлежит "открытому пространству" мировой культуры в становлении. Вероятно, это и есть то обращение к всемирной обязательности, о котором заявил М.А.Куз-мин в 1923 году (66. С.144).

Поэзия Г.Айги принадлежит также "открытому пространству" мировой культуры. Его читают и переводят в более чем 50-ти странах мира, он всемирно известный поэт, его волнует судьба мира и в то же время судьба родной Чувашии, он ратует за Человека Земли, гуманного, милосердного, добропорядочного, он за то, чтоб признавалась личность человека, будь он крестьянин или поэт. Об открытом мировом пространстве говорит и философ экзистенциалист К.Ясперс в книге "Смысл и назначение истории": "Коммуникация любого вида настолько свойственна человеку как человеку в основе его существа, что она всегда остается возможной, и никогда нельзя знать, какой глубины она достигнет. Безграничная готовность к коммуникации - не следствие знания, а решение вступить на путь человеческого бытия. Идея коммуникации - не утопия, а вера. Для каждого возникает вопрос, стремится ли он к этому и верит ли он в это, верит не как в нечто

потустороннее, а как полностью присутствующее: в возможность для нас, людей, действительно жить друг с другом, говорить друг с другом, найти благодаря этой совместимости истину и только на этом пути действительно стать самим собой?

Сегодня мы воспринимаем коммуникацию как главное предъявляемое нам требование. Высветляющая коммуникация в многообразных источниках различных уровней объемлющего становится главной темой философствования. Приблизить коммуникацию во всех возможностях её существования есть повседневная задача философской жизни (120.С.508).

Для Г. Айги вопрос: вступать в коммуникацию с мировым пространством или нет? - не существует. Он вступил в общение со всем почти миром, его поэзия открыта всем: читайте, вслушивайтесь в слово, ритм, в биение сердца поэта: И

будто Работал Мира твоя голова
Звёзды - ум вызывающие звёзды
ветры за звёздами - свет вызывающие
(всё шире - туманность) (В.Д.З).

Г. Айги думает о мире, о мифоздании, его мысли устремляются к звёздам, а ветер вечности приносит нам сияние этих звёзд, каждый из нас, по Г. Айги, может стать "звездой", открыть в себе звезду, найти завет - звезду прародителей, прамира, прочесть её, сохранить, чтоб мир воссоединился в многообразной её форме - бытии.

Исходя из вышеизложенного, мы вправе сделать вывод, что творчество Г. Айги - это предчувствие эмоционализма, что его творения - это "стихотворения-энергия", в них "смысловая и образная насыщенность", что так они воспринимаются и читателями.

ОЦЕНКА СЛОВА АЙГИ

творческое взаимодействие между художественным произведением и воспринимающей его личностью обуславливает и наличие такой совершенно необходимой области творческой деятельности, как литературно-художественная критика-ОСМЫСЛЕНИЕ, РАЗЪЯСНЕНИЕ и ОЦЕНКА художественного произведения с точки зрения его значимости.

Первоисточником литературно-художественной критики является непосредственное восприятие художественного произведения, его читательское осмысление и оценка. В этом смысле каждый читатель является критиком. Литературно-художественная критика как особая, специальная область литературной деятельности отличается "от непосредственной реакции на художественное произведение тем, что, исходя из этой непосредственной реакции, она опирается на научные знания о литературе, то есть на литературоведение" (42.С.59). Следовательно, литературная критика представляет собой "промежуточное звено" (42.С.59) между непосредственной реакцией на художественное произведение и литературоведением. Восприятие СЛОВА Айги читателем В первой книге мы исследовали непосредственную реакцию читателей, подвергли анализу три этапа восприятия (по Прозорову), в этом параграфе мы остановимся на "промежуточном звене" восприятия произведений Айги. С.И.Волков в книге "Литература как вид художественного творчества, анализируя "промежуточное звено" пишет, что "с одной стороны, она составляет часть литературоведения, а с другой стороны является предметом литературоведческого исследования" (42.С.59). Нас это "промежуточное звено" будет интересовать как предмет литературоведческого исследования.

Основная функция литературной критики- это формирование отношения читателя к современному литературному процессу, нас будет интересовать, как это "промежуточное звено" будет высказываться о произведениях Г. Айги.

Евгений Дасин, анализируя творчество Айги, проводит параллель с О.Мандельштамом, вспоминает его слова о том, что поэт не отражает мир, а создаёт свой, "внутренний", "по образу и подобию всевышнего, "стирая затем границы между нами" (21.С.2). Дасин творчество Айги называет "пробуждением" (21.С.21), где духовное, высшее человеческое начало - Слово - становится сферой "слияния человека с природой и умиротворения" (21.С.21). При этом Е.Дасин ссылается на слова поэта: "Наш мир очень сложен, таинственен, постигаем, но непостижим."

Подлинное слово надо выстрадать. Поэт может ошибаться. И, может быть, даже поэт должен ошибаться. Ошибается - поэт. Поэзия не ОШИБАЕТСЯ" (21.С.21).

Дасин Е., воспринимая произведения Айги, указывает на выстраданность Слова поэтом. Мы с этой мыслью соглашаемся, ибо читатели экспериментального класса мотивы страдания в творчестве Айги заметили в начале же исследования.

Арий Яковлев в статье "Сеспель, Айги, Агивер, Чиндыков" говорит, что их творчество относится к современному трагически-экзистенциальному, его направление является поэзия боли, что "боль и поэзия" (II9) у Айги одно и то же, что появилась у нас литература, "основанная на боли" (II9), что на первом плане у Айги "не предметно-событийная связь, а настроение, эмоциональная атмосфера" (II9). А.Яковлев указывает на то, что с "конца 70-х годов и до начала перестройки" трагизм в чувашской литературе, да и в советской тоже, был подпольным чувством" (II9).

Читатели, воспринимая творчество Айги, также указывали на трагизм произведений Айги, на слияние его поэзии с болью. "Айги-сама боль" (Надя К., 1994г.); "поэт страдает, заставляя и меня страдать, я принимаю и понимаю его боль" (Татьяна З., студентка университета, г. Чебоксары); "У данного поэта всё пропитано солью трагедии" (В. Катерина); "Я сама прошла через боль, поэтому мне близка боль

этого поэта" (Тони Текер, США); "Горьки слёзы сердца Айги, но читай" (Мария В. г. Самара, слушатель курсов). "Он не мог писать иначе ведь кругом всё кровоточит" (Татьяна, Санкт-Петербург, директор школы-гимназии).

У Л. Яковлева и Е. Даёмина находят точки соприкосновения в анализе тематики произведений Г. Айги. Они, как и читатели школы №16 г. Новочебоксарска, отмечают в качестве основного мотива его творчества - мотив боли и страдания. Л. Яковлев, подводя итог своим мыслям, пишет: "Здесь нет желания оградить себя от страдания, а есть готовность страдать". Мы соглашаемся с точкой зрения Л. Яковлева.

Л. Кублановский, анализируя поэзию И. Бродского, относит её к поэзии "нового измерения" (64.С.243). Мы также, следуя за Л. Кублановским, относим и поэзию Айги к "поэзии нового времени," когда при помощи одного слова, одного звука можно выразить многое, как это и делает Айги."

- а) Молчание- как "Место Бога" (Молчание. 4).
- б) Лица- поля и поля - лица. (Молчание. 26).
- в) :

(Объяснение двоеточия даёт сам Айги: "Есть у меня и строчки, состоящие только из двоеточия.

Это- не- моё молчание.

"Тишина самого Мира". (по возможности, абсолютная")

(Молчание. 13).

г) Безвыходно.

(Молчание. 17).

(С С Н
1982
АЙГИ)

- е) Чем проклинать этот мир и людей,
лучше- молчать (Молчание. 38).
- ж) Недоговаривание- страшнее молчания ...
(Молчание. 47).

Вд. КУЛАКОВ указывает на близость поэзии АЙГИ "конкретизму",

но при этом пишет следующее: "С конкретизмом сближает его скорее синтаксис- в сущности сплошная прямая номинация. Слово и образ появляется из пространства паузы, но слово для АЙГИ, конечно, не предмет, а элемент чисто авторский, очень субъективной системы соответствий" (72.С.222). Читатели, воспринимая АЙГИ, также указывали на его субъективное видение мира. Сам АЙГИ о своём творении говорит следующее: "...дело не в "передаче" чувств и "отображении мира", а в абстрагированной абсолютизации выражения мира через человека- поэта. Будем исходить из того, что мирозидание продолжается" (44. I2). Читатели экспериментального класса (Тарид, Налекда, Екатерина, Наталия) воспринимали слово АЙГИ как одну из творящих сил, в результате творили и сами.

Виктор Ворошицкий указывает на трагическую сущность его поэзии, на его непохожесть ни на кого из современных поэтов, говорит о поиске АЙГИ своего места "во вселенной" (44.С.213), указывает на молитвенность, литургичность" (44.С.213), близость его с Иосифом Бродским.

Читатели экспериментального класса (Света П., Аня Р., Лена Ш., Тарид И. и др.) также, воспринимая его поэзию, указывали на молитвенность и литургичность его стихов: "Читаю его стихи как молитву" (Света П.); "вчитываюсь в строки АЙГИ, как в строки Псалтыря, чем больше читаешь, тем глубже понимаешь, особенно, если ты одна, а время-вечернее (Аня Р.); "переживаю строки Поэта тихо, как молитву" (Лена Ш.); "действие Слова АЙГИ подобно молитве" (Тарид И.).

С. Убася также указывает на присутствие боли в творчестве Айги: "Боль тождественна вере. Это превращение знания в знак души" (105).

Г.Н. Волков в статье "Парадоксы Айги" говорит о талантливости поэта: "...позволи себе назвать главный парадокс Айги. Русский Айги и чувашский Айги — один человек, но два разных поэта... оба поэта неповторимо талантливы" (41). Наши читатели также отмечали талант Айги, ибо только талант может заставить возвращаться к себе: читатели к одному и тому же произведению, чтобы понять и осмыслить его, возвращались по несколько раз.

Виктор Кривулин, анализируя творчество Айги, указывает на то, как поэт даёт историю, он говорит, что "история дана как история Быдла, то есть история масс, отчуждающая человека, личность от габитных смыслов бытия" (67). Здесь мы находим точки соприкосновения Н. Бердяева и Г. Айги, читатели эту связь также заметили:

"Н. Бердяев не принимал мира "объективации, не принимает его и Айги:

и отстранение только такое
было возможно
от Быдло-Истории"

(Таня З., студентка университета,
1954.)

Тоталитаризм Айги не принимает, его душа бунтует против унижения достоинства личности" (Владимир, преподаватель Канашского училища 11). В. Кривулин подчёркивает, что "история для Айги — это шум и смысл же — тишина и свет" (60).

Воспринимаемая Айги, многие читатели указывали на светочность поэзии Айги:

"Его строфа — это костёр света" (Звета П.).

"Читая Айги, я постигаю свет" (Антон С.).

"Как стрела, пронзает меня свет Айги, но с одной разницей - стрела убивает, но свет Айги воскрешает, уничтожая во мне всё смердящее" (Алёша Е., шк. №16, г. Новочебоксарск).

Пьер Эмманюэль сравнивает стихи Айги с "очистительными воплями шаманов" (ИВ. 6), указывает при этом на достоинство его поэзии: "Умалчивание, недоговорённость, внутренний перелом слова, благодаря которому несказанное, всё то, что спрятано за пропуском, а то и самый пропуск, перед которым стихотворение прерывается, пересекается или вздыбливается - всё это преобразуется в смысл" (ИВ. 3. 6). При этом указывает и на его мученичество. Отдельные читатели экспериментального класса: (Тарих И., Света П., Аня Р., Алёша Е.), вступая в диалог с творениями Айги, указывали также на присутствие там "очистительных воплей шамана:

Тарих И.: "Я слышу отголоски того, дальнего, шамана".

Алёша Е.: "Завораживает меня его слово, как слово шамана".

Ярослав В.: "Порой первородным словом шамана кажется мне поэзия Айги".

(г. Новочебоксарск, школа № 16.)

П. Эмманюэль, говоря об Айги, пишет следующее: "нужденный подавлять в себе то, что подавлено быть не может, Айги обрекает себя на опыт, который для других, до него, обернулся безумием (...) У Айги лишь один предшественник в западной поэзии - Гельдерлин. Но Айги гуни" (ИВ. 3. 6). П. Эмманюэль, осмысливая поэзию Айги, называет её "электротоком" (ИВ. 3. 6). Можно ли обобщиться с таким сравнением? Приведём несколько произведений поэта, чтобы оправдать подобное сравнение:

1. Кому трудно говорить? - тому, которого - не клут. (4. 3. 19)

2. И - возроди связь: с полем и Солнцем

(о, Утреннее - сирое, словно в поту!)

с травяки и деревьяки (о, капли дождевные

в шершавой коре! - лёгкая дрозь по спине).

Неважно, какое будет говоренье. Будет-
точность- словно диктуемого-Слова.

(4, С. 19)

3, всё- гул бедн!

Как быть- чтоб переждать!

(8, С. 307)

Находясь в стороне от "литературной жизни", он сохранил живой ин-
тимный контакт и с литературой, и с жизнью. Свободный человек- и сти-
у него такой же:

я силой был средь сил

я знал то что знаю

я отдавал себя как высший дар

свобода

бывает лишь свободой

„Айги не принимает присущие русскому авангарду десятых- двад-
цатых годов чрезмерную увлечённость научно- техническим прогрессом
социальный утопизм и религиозный электизм, но всё же полагает до-
минантой авангарда созидательное, строительное начало, и к нему он
считает себя причастным. Добавив от себя: современный авангард (Ай-
ги, Соснора, Еданов) не нукдаётся в эпатиже, в "пощёчинах общества
ному вкусу". Его главное свойство- внутренняя серьёзность и сосре-
доточенность" (83, С. 190).

В. Новиков указывает на созидательное начало в поэзии Айги. Мы
соглашаемся с такой оценкой, ибо читателя экспериментального клас-
са, соприкасаясь с поэзией Айги, созидали, подтверждением тому яв-
ляются их работы, приведённые в качестве примеров.

Интересно познакомиться с восприятием творчества Айги В. Воро-
вильским: "Айги мне нравится как человек, но я скорее предчувство-
вал то, что в нём бурлит, чем знал это. Помню, как мы с ним и с

Коржавины однажды целый день ходили по Москве — правда, больше всех говорил Коржавин, я чуть меньше. Айги почти всё время молчал, но внимательно прислушивался: ему всё это было, по-видимому, важно. Да, я видел, что в этом человеке что-то есть, но не знал, что именно. И вдруг через несколько лет кто-то приехал в Варшаву и привёз мне от него стихи. Письмо начиналось: "Ты, может быть, меня помнишь?" Я прочитал эти стихи, и они меня просто поразили. Я знал многое из того, что тогда писалось, — и было там много ценного, но то что писал Айги, было абсолютно непохоже на всё, что я знал в русской поэзии. Свежее, яркое. Я сразу сел и перевёл несколько стихотворений. Мне удалось в двух польских газетах напечатать первые мои переводы из Айги (45.0.233).

[Стихи Айги он называет яркими, свежими, оригинальными. Мы соглашались с мнением В. Ворошильского.

Актриса Франции Мого И. на вопрос: "Чем для вас близко творчество Айги?" — ответила следующим образом: "Отдыхаю я — когда сплю. И то не всегда. Иногда и во сне идёт работа. Чтение же "большой" книги — это установление тайной и очень явной связи с неисчерпаемой кладью откровений. Особенно если книга поэтическая. Поэты — пророки. А репутация поэзии — будто бы она трудна для восприятия — неверна. Ведь на самом деле поэзия так проста... Но люди обычно хотят её понять рассудком, хотя поэзия — это язык ангелов, который необязательно понимать. Надо — всего лишь — раскрыть для неё сердце. Книгу стихов Геннадия Айги во Французском переводе Леона Робеля подарил мне главный режиссёр и директор Французского Национального театра — поэт Антуан Витез. И благодарность моя ему — безмерна. Я каждый вечер перечитываю эти стихи. Но сказать о них — ничего не могу. Равно как ничего не могу сказать о творчестве Бодлера, Рембо, Верлена. Потому что поэзия — не объясняется. Недавно Геннадий

Айги подарил мне "Тетрадь Вероники" - сборник своих стихов, посвящённый его маленькой дочери. Я прочитала книгу и поняла, что это готовый моноспектакль (57. С. 54).

Мадам Моро, как и наши читатели экспериментального класса, принимает поэта, озаряется его светом - энергией.

Манук Иакаян в статье "Вечер Геннадия Айги" описывает факт: в центре Лоржа Помпиду проходил вечер Геннадия Айги, его стихи в течение четырёх часов читались на русском, чувашском, французском, английском, датском, португальском, польском, китайском языках. После данного факта можем ли мы право говорить, что поэзия его не воспринимается? (57).

Андряшин Н. (г. Чернь, Тульская область) в статье "Поэт и гражданин", на статью В. Залецук "Свет боли в тиши...", опубликованную в журнале "Октябрь" за 1989г., №2, пишет следующее: "Поэзия ли это? По-моему, это недоразумение, ведь, то образованный человек Г. Айги тратит силы на создание вещей, успеха которых не предвидится: публикации, где бы они ни появлялись, не успех... Не лучше было б, если б Айги писал "обыкновенные", талантливые вещи? Неудач поэзии Геннадия Айги (а это явный неудач) объясняется не столько козырями недоброжелателей, сколько особенностями творчества поэта. Это я констатирую без тени злорадства - скорее с прискорбием и соболезнованием, может быть, действительно талантливому автору" (II. С. 197)

Андряшин Н. сомневается в талантливости Г. Айги, но, если он не талантлив, разве стали б переводить его на немецкий, венгерский, чешский, словацкий, румынский, армянский, сербский, литовский и другие языки?

Мы позволим не соглашаться с мнением Андряшина, ибо читатели экспериментального класса Айги был понят, принят. Мы здесь позволим себе привести работы читателей 9-г класса шк. № 16, г. Новочебоксарска. Этот класс имеет направление эстетическое. Читателям бы

ли предложены произведения Айги для того, чтобы они отобрали для себя те произведения, на которые могли бы написать графические картины и объяснения к ним. Читатели в течение двух часов воспринимали произведения Г. Айги, обменивались мнениями и без посторонней помощи, сами того не замечая, "заболели Айги", а на третьем часе писали картины. Большинство их рисунков мы привели в первой книге (все 25), а отдельные высказывания приведём в данном параграфе:

1. Ира Н.: "Спасибо Айги за его прекрасные, заставляющие думать стихи".
2. Оксана В.: "Стихи его мне понятны, они прекрасны".
3. Максим Р.: "Древний, могучий смысл несут мне стихи Айги".
4. Яков Ф.: "Стихи его я не совсем понимаю, но звучание этих стихов пробуждает во мне мысль. Раньше такого со мной не происходило".
5. Сергей Б.: "Я думаю, что Айги — это белая бабочка, перелетающая в доброе будущее через зло".
6. Оксана Н.: "Мне понятно каждое его слово".

Суждения и рисунки являются подтверждением того, что поэзия Айги труднодоступна, но понятна. Читатели 9-го класса смогли вслушаться в слова Айги, расшифровать их.

Сам Айги учит нас расшифровывать его творения: "Наш материальный мир состоит из бесчисленного множества вещей. Но есть самые главные: топор, нож, ложка. Так и в языке бесчисленное количество слов, среди которых тоже есть главные. Настоящая поэзия имеет дело с этими главными человеческими словами: она выделяет их среди прочих, делает сущностными. Поэт всегда пребывает в положении Адама, именуемого мир..." (57, С. 5)

С. Бирюков в статье "Самоспасавший сад поэзии" обращает наше внимание на умение (при восприятии Айги) находить эти (по Айги) ключевые слова для того, чтобы правильно (для себя, у каждого воспринимающего своё суждение, своя истина, мир восприятия не однопла-

нов, а многопланов) принять (для себя) поэта. Он говорит нам, что поэзия Айги нужна, чтобы "научиться читать себя" (28, С. 64). Поэзия Айги он называет "поэзией нового измерения" (28, С. 66), где чувства и мысли "не пересказываются, не описываются, а схватываются" в момент их зарождения, в самом их внутреннем зарождении (28, С. 66), где "сущность слова сохраняет сущность жизни" (28, С. 66). Мы соглашались с мнением Сергея Биркова и в том, что поэзия Айги - "это путь к тем истокам детства, сквозь которое просматривается не только детство твоего народа, но и общечеловеческое детство" (28, С. 66), на которое указывает и Карл Ясперс, называя его "осевым временем" (120, С. 32).

Иозеф В. (Польша) о "Тетрадах Вероники" пишет следующее: "В стихотворениях Айги привлекает атмосфера магии, которая творится поэтом через намёки или недомолвки, через самобытную характерную таинственность и обаяние невозможности опублеливать, схватить идею, но прежде всего через образы-двойники, что создаёт своеобразный Сон-Мир этой поэзии от первого до последнего цикла, наступающей наше естество до самой глубины" (88, С. 166-167).

Мы соглашались с этим тезисом, ибо читателей экспериментальных классов как раз и привлекала "атмосфера магии", слова Айги их не отпускали, их общение превращалось в процесс, процесс творческий, в котором шло освоение мира. Читатели, знакомясь с произведениями Айги, заряжались его творческой энергией, обогащались духовно. Одни соглашались с Айги, отстаивали его правоту, тем самым продолжали тот процесс творческой жизнедеятельности, который начал художник. Другие спорили с Айги (особенно на I этапе), приводили свои доводы, но и они чувствовали магию слова, ибо желали познать Айги, к ним (на 2 этапе) приходил момент преодоления, тогда они озарялись энергией поэта.

Станислав Убасси по-своему воспринимает Айги, говорит о вос-

точном (коллективном), о западном (индивидуальном) начале в творчестве Геннадия Айги. У него своя интерпретация: С.Убасси говорит, что "чувакская поэзия Айги концентрирует в себе восточный полюс" (Ю4, С.11), а русская - западный; у Убасси свой подход к Айги, к его архетипам, с одними суждениями мы соглашаемся (расшифровка сна), с другими - нет, например, Убасси воспринимает ветер, как усреднявшее начало (Ю3, С.7), а мы воспринимаем образ ветра как символ вечности, зова жизни:

... (и снова край):

о этот ветр- за ветром

(Ю3, С.7)

Есть ветр- путь круга, поэтому "за одним краем" открывается край другой - это круг бытия, это повторяющийся в ветре Вечности круг.

Мы не претендуем на конечную истину, мы фиксируем лишь свои интерпретации, которая даст повод для дальнейших интерпретаций, ибо восприятие - явление многоплановое.

А.Сидоров в статье "Бросивший вызов толпе", как бы подтверждая то, что есть в творчестве Айги мотивы философии экзистенциализма, пишет: "... основная мотивация поэта - протест" (94, С.8). Философы экзистенциалисты не принимали "мира объективации" (по Бердяеву). Далее А.Сидоров продолжает: "Протест против стандарта, обычаев, профессиональной среды, её сволочизма, требований отражать в стихах реалии быта, унижений и остракизма, которому Айги был впервые подвержен, когда его исключили из Литературного института."

Их остракизму Айги противопоставил свой. Он сам исключил их всех из своего круга. Вместе с их (...) должностями, проработками, идеологической борьбой, лестью, иерархией. Айги стал сам им: собой, расставшись с многовековой, многотомной традицией, отказавшись от ритма, декларативности, нравоучительства. Он бросил вызов толпе, которая отторгла его.

Он, конечно, не мыслитель (...) (94, С. 8).

С первым тезисом А. Сидорова - "основная мотивация поэта - протест" - мы соглашались, а со вторым - "он, конечно, не мыслитель" - мы позволим себе не согласиться, ибо его творчество и есть, мы так считаем, мышление. Но чтобы доказать это, обратимся к словарю, где объяснено слово "мышление". "Мышление" - способность человека рассуждать, представляющая собой процесс отражения объективной действительности в представлениях, суждениях, понятиях" (85, С. 33.).

А. Сидоров, мы считаем, сам себе противоречит, ибо дальше в статье продолжает: "Его стиль поэтического мышления построен на инверсиях, это словно наложение мысли сельчанина, алушского по просёлочной дороге на колымаге, это череда ощущений горожанина, закатого в автобусе. Его трясут, тормозят, швыряют из ухабах, в связи с чем меняются и направления его мыслей" (41, С. 8). А. Сидоров говорит, что его мысли меняются, но может ли мыслить не мыслитель? Нет. Значит, Айги - мыслитель. С первым аргументом - его "стиль поэтического мышления" построен на инверсиях" (94, С. 7) - мы соглашались.

"Инверсия" - изменение нормального порядка слов или словосочетаний как стилистический приём" (85, С. 226).

Мы согласны и со следующим тезисом А. Сидорова: "В Европе Чувашки знают по нескольким фамилиям: Николаев (космонавт), Павлова (балет), Айги (поэт). Но если первые двое в восприятии многих - как бы русские, то Айги всегда обозначает, специально подчёркивает: гол, чуваш. Вот в этом он и гениален - в яростном стремлении оставаться самим собой - чувашем из деревни Шармурзино, человеком, уважающим себя" (94, С. 8). Философы экзистенциалисты также учили уважать самого себя.

Итак, мы можем сделать вывод, что многие литературоведы сходятся в одном: в творчестве Г. Айги присутствуют мотивы, характерные для философии экзистенциализма.

ДИАЛОГ ЧИТАТЕЛЯ СО СЛОВОМ АЙГИ

Ветка вербы.

Непостоянно всё, что в мире
есть,
К тому и изъянов в том,
что есть, не счесть.
Поверь же в то, что сущее
незримо
И призрачно всё то, что
зримо здесь.

Смар Хайям

"Айги. Кто это?" - так скажут многие сейчас. К сожалению, не все его ещё знают. Произведения Г. Айги помогают понимать жизнь. Жизнь нельзя понять до конца, но некоторые аспекты нужно осознавать для того, чтобы с их помощью уяснить остальное. Г. Айги - поэт, который вчера ещё был известен лишь узкому кругу друзей. Его Родина, его "братья и сёстры" отвергли его. Это самое страшное наказание для человека. "Наказание" - что значит это слово? "Наказание - мера воздействия против совершившего преступление, проступок, взыскание, кара" (С. И. Ожегов.) Оно значит, что за свой плохой поступок человек должен нести ответственность. Айги "изгнан" за пределы своей Родины. Но за что он "изгнан"? Сказывается, за талантливость и необычность. Он виноват лишь в том, что пишет. Поэзия - жизнь и воздух для Айги. Разве можно изгнать за то, что он дышит. Лишить Айги родных, друзей? Его долго не понимали. Но время изменилось. Айги признал весь мир, и только после этого поэта признала его Родина. А стоит ли гордиться запоздало возвращаемыми долгами? Айги многое выстрадал, многое понял. Его страдания показаны в произведениях, таких и сложных и простых. А может, и не было бы этих стихов, если б не изгнание. Но и вдалеке от родного дома остался он с чистой и глубокой душой, ведь очищение приходит через страдания. Поэзия Айги пытаются сравнить с поэзией Сеспеля, Бодлера, Пастернака. Напрасно. Айги - поэт, "рождающий правила".

Г. Айги - единственный среди многих, как ветка вербы. Веток много, но каждая из них единственная среди многих.

Качкя тураче

Курман та пуль эфир а́на хёлле.

Кёре вара- ирттернеччё перле.

Вӑл- вилӗ пекчӗ... Эпӗр ун чухне
Туймарӑмӑр питех вӑл пуррине:
Вӑл сук пекехчӗ, эпӗр, этемсем,
"Вил сут санталӑк", терӗмӗр ун чух.
Пураватпӑр-и?- Мӑнасланмалӑх сук,
Пурнатпӑр- кунсерен ватӑлӑсем.

Хӗл иртрӗ. Мӗн пиллерӗ вӑл сана?
Вӑй сук. Илем те чакӑн. Сав йана.

Ак, халь куратӑп- савӑ туратах.
Вӑл улшӑнӑн, вӑл ситӗнӗ. Анчах,
Вӑл сӗнелсе анчах иккен усет!
Вӑл ваталать. Анчах та сӗнелет
Вӑл, тин суралӑн пек, суллен- сулах!

Калать сана: "Тен, эс те сӗнелен?
Тен, сӗнелӗх кӑшт урӑх пуль сынсен.
Анчах та пӗл эс: сӗнелӗх пурах".
Сыв пул, турат. Тавах сана, турат.

Кайран, паллах, сак тӗм типсе хӑрать.
Анчах кунтан кайман пек сукхалать...
Серге вӑл. Сывлашра- мӗлки ун пур!
(Каллех- хӗвел. Каллех каять ав вр.)

Мӗлке сес мар. Ак, сӗнӗ тӗм- каллех.
Те урӑх тӗм вӑл... Те каллех- хӑех!..

Эте стихотворение посвящено О.Таллеровой. Но оно обо всех людях и для всех.

Курман та пуль эфир ӑна хӗлле.

Как часто люди забывают и не хотят вспоминать, что есть ещё кто-то на этом свете, что кто-то тоже очень прекрасен и тоже хочет жить и быть счастливым. Тогда откуда берётся зло? Зло и добро... Создатель заложил эти два чувства в каждого из нас для того, чтобы дать нам право выбора. В этом мире всё очень сложно. Истинная чистота души незрима, но сверкает ложная.

Айги помогает разобраться во всём этом. Я многое поняла после того, как впервые взяла в руки стихи Айги. Никто не объяснял мне жизнь, но мне судьба преподнесла подарок. Мне в руки попался сборник Г. Айги "Теперь всегда снега", потом сборник на чувашском языке "Сӑвӑсемпе поэмӑсем". Я как будто заново родилась. Этот мир ещё

прекрасней и понятней. Я поняла, что на свете ещё много-много людей. Я заметила то, о чём раньше и не подозревала. Каждое стихотворение для меня - урок, который я с удовольствием учу. Стихотворение "Качка тураче" - ещё один урок. Это произведение посвящено другому человеку, но оно, как будто написано про Айги.

Хёл иртрё. Мён пиллерё вёл сана?

Вёл сук. Илем те чакна. Зав кана.

"Зима" настала для него, когда изгнали со своей Родины. Он выдержал это испытание и лишь сильнее стал любить всех нас. Но после каждой зимы приходит весна. Весной всё возрождается и заново зацветает:

Ак, халь куратап - сава туратах.

Вёл улхана, вал ситёне. Анчах,

Вёл сёнеме анчах иккен усет!

Вёл ватамать. Анчах та сёнедет

Вёл, тин сурална пек, суллен - сулах!

Цветёт и приобретает новую красоту. Она ещё прекрасней, ещё сильнее прежней. Но не всё цветёт. К сожалению, сухие ветки сушат остальные. Стихотворения Айги, как влага, которая живым веткам помогает не высохнуть, а сухим - возродиться. Во всём есть исключения, и в жизни также. Под зелёными листьями - сухая ветка, но листья опадут, и ветвь останется голой. Не все ветки оживают, но сухие ломаются и падают, и их становится меньше. А живые цветут, и их становится больше. Их много, но в то же время каждая - единственная. Как жаль, что ничто не вечно, лишь память.

Кайран, паллах, сак тём типсе харать.

Анчах кунтан кайман пек сухалать...

Сёрте вёл. Сывлашра - мёлки ун пур!

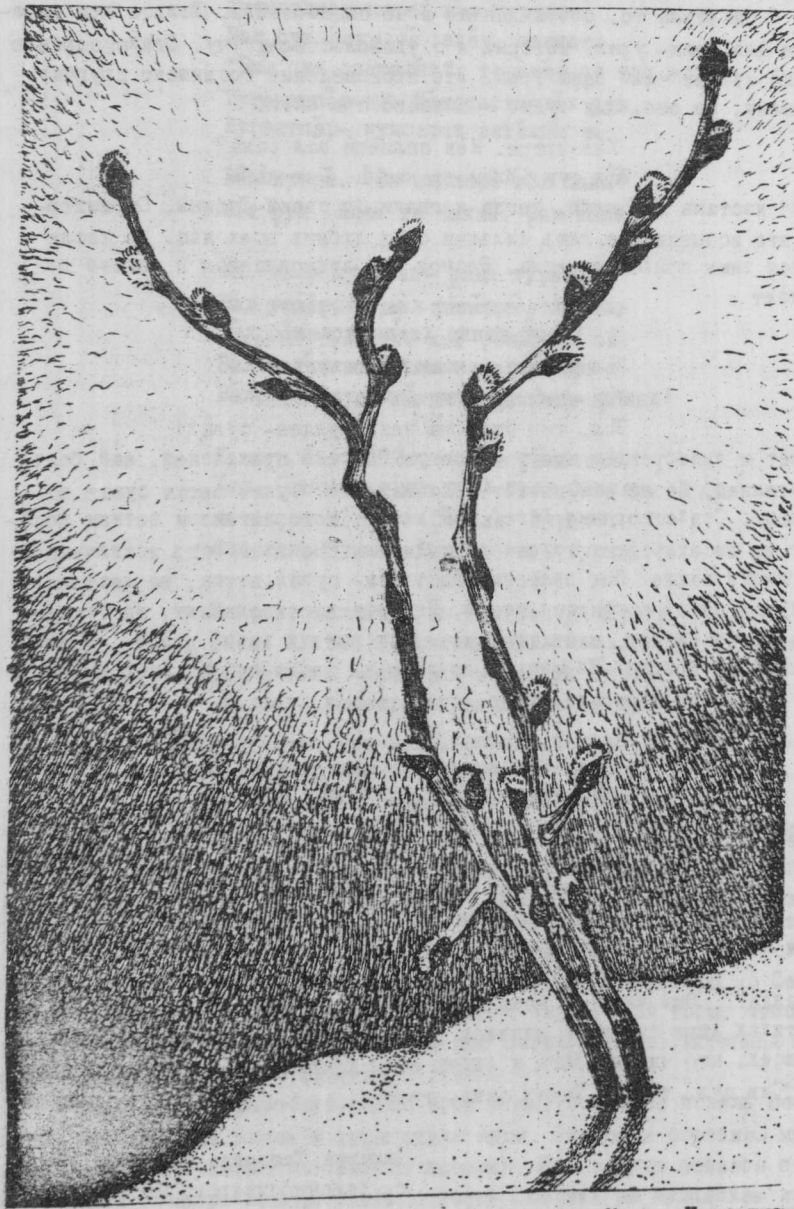
Появляются новые ветви - это закон жизни. После того, как осенью опадают листья, весной появляются новые. И чем-то похожи на прежние, но есть в них и что-то новое.

Мелке сес мар. Ак сёне тём - каллах.

Те урах тем вал... Те каллах - хёх!...

Надежда... Она живёт в каждом из нас. Она помогает "перезимовать". В стихах Айги светится надежда. Как нужны эти стихи людям! От имени всех, кто читает Айги и любит его, хочу сказать его же словами: "Сыв пул, турат. Тавах сана, турат".

(Салмина Татьяна, шк. №16,
г. Новочебоксарк, 1996.)

Иванова Г.А. Золотой Час Мира. Иллюстрация к произведению Г.Айги "Поле: куст вербы". 1996 г. Б. Тушь.

Сочинение.

Есмь...

во Времени мы- как
в составе
покрова
Природы.

Г. Айги

...И соблазнились о Нем. Иисус
же сказал им: не бывает пророка
без чести, разве только в оте-
честве своём и в доме своём.

И не совершил там многих чу-
дес по неверию их.

(Ев. от Матфея, 13,
57- 58.)

Жизнь любого человека претекает в двух взаимно пересекаю-
щихся плоскостях. Одна из них- обычные биографические данные:
где и когда появился на свет, кто родители, как прошло детство...
Это, можно сказать, внешняя, видимая сущность человека.

Однако, у каждого из нас имеется и другая плоскость суще-
ствования: мир переживаний, мыслей, знаний о мире и самом себе.
И в самом деле, что же есть жизнь? Мы живём... Существоем... И
каждый из нас есмь...

Я есмь!

Что такое жизнь? Жизнь...

- Но ведь она оборвётся!
- Воссоединится с жизнью и разумом окружающей нас природы.
- Но земная природа не вечна!
- Она воссоединится с иным мирозданием.
- А какая гарантия, что именно так?
- Никакой. Каждому приходится обдумывать и выбирать.
- Но ведь это полнейший произвол!
- Таково одно из проявлений свободы человека.
- Какой же окончательный вывод?
- Никакого. Будет нам личный опыт. Время рассудит. Каждому да-
рованы та жизнь и то бессмертие, которых он достоин.
- Так всё- таки, во что же верить?
- В жизнь! В смерть! В бессмертие!

На моём столе лежит томик со стихами Геннадия Айги. О чём
его поэзия? О Вселенной и её Частицах. О Вечном и Игновенном.

И вспоминается рубаи Омара Хайяма:

Я не умру, я, как морской прибор,
Вернусь однажды с новой волной.
Есть на земле лишь вечное

рождение,

А смерти нет, есть временный
покой.

Я вижу много общего в творчестве восточного философа и современного поэта. Нить мудрости протянулась через толщу веков и соединила прошлое с настоящим. А наша цель - не дать ей прерваться в будущем.

Поэзия Айги помогает нам осмыслить вечные вопросы, которые он же и поднимает перед нами из глубины подсознания человечества. Вот его стихотворение "Страничка с соснами":

пештвие Бога мерпает средь них золотыми метафорами
в скромности равное Солнцу-Звезилу и солнцу
душевному

существованья лобого

Само название завораживает... "Страничка с соснами". Чья это страничка? Может, это моя страничка? Моей души.

Говорят, что душа бессмертна, как ветер в русской степи.

Степь, луга, леса, поля, реки... Природа многогранна. Лик Матери-Природы необозрим, и видеть его надо глазами сердца, и внимать гласу души, перождая отголоски. А способны ли мы на это?

Читая строки "Странички с соснами", мы чувствуем дыхание Вселенной, нам хочется дорости душой до этих сосен и, тихо-тихо пройдя средь них, уподобиться Солнцу-Звезилу. В сущности, у лобого из нас есть "Солнце-Звезило и солнце душевное", как и Царствие Божие внутри нас.

..И не скажут: "Вот, оно здесь", или: "вот, там". Ибо вот, Царствие Божие внутрь вас есть..."

(Ев. от Луки, гл.17,21.)

Я емь...

"Я, как ядро Человеческого духа, есть сущее, но не существующее, подобно тому, как центр окружности не есть точка на её поверхности, как обычно и условно представляют геометры... Центр существует лишь как направление, связь, сила... Я не есть само по себе, не существует, но есть его сказуемое, которое отлично от я..."

(М. Булгаков, из философии.)

Об этом пишет и Геннадий Айги в своей миниатюре

Берёзы: "центр" сверх-места :

видеть
(теперь)
это криком
выстраивать
вас!-

Будьте- как Духа присутствие!- будьте свободой
Его- безушербо страдающей
души смягчая
всех- не по-здешнему нищих!-

Будьте- как лики Его
не для зрения- чистые:

светом- без силы: всеильным!-

там- где господствует Стадия Гнили как Место
Народа

Берёзы у Айги- как раз связь, направление к Центру, с кото-
ром пишет Булгаков.

Видеть

(теперь)- очнуться от сна прозябания, прозреть и с высоты
обретённой мудрости наставлять молодое поколение:

... это криком

выстраивать
вас!-

...будьте- как Духа присутствие..., то есть, будьте чисты и свет-
лы, как эти белоствольные берёзы или горный воз-дух.

...будьте свободой Его- безушербо страдающей...- поэт призыва-
ет, но не принуждает страдать за ту боль, которая захлёстывает,
душит бытие, природу человека, однако, страдать безушербо, ибо
одна боль порождает другую боль, одни страдания откликаются в
чутком сердце, вызывая новые страдания. Но душа может очиститься,
лишь пройдя через катарсис. Как переключаются здесь воззре-
ния Аристотеля и Айги!

Поэт Чувашии болезненно переживает за свой народ, за ресси-
ян, за всех людей Земли, поэтому хочет, чтобы мы очистились от
скверны, чтобы, просветлённые, смогли приблизиться к Духу присут-
ствующему.

Не любовь ли эти страдания?

...души смягчая

всех- не по-здешнему нищих!-

Лиди отделились от чистоты, от тёплой земли, от прохладной воды, от всего того, что было и есть рядом с нами, только всё это не кричит, не обещает с трибун, а молча, тихо присутствует здесь и терпеливо ждёт, пока огрубевшая короста сойдёт с сердца и пока люди не обратят на них свои прозревшие какшиися глаза.

Не по-здешнему... Человеческая память слишком коротка, чтобы делать какие-то выводы, но всё помнит Земля. Помнит Она, как раньше не было у сынов Природы благ "цивилизованного общества", но у них была Она, та, что дала людям всё; обогатила их духовно и материально. Меньше было зависти, злобы; примиряла Она враждующих и вела к согласию... Айги чувствует и сознаёт, что всё происходило именно здесь, на нашей с вами земле. Только между людьми древними и нынешними легла бездонная пропасть, и мы-нищие в сравнении с ними. Отсюда и эта строчка:

...души смятчая
всех- по-здешнему нищих!-

Айги искренне хочет, чтобы люди отыскали потерянную связь времён и стали видеть душой:

...будьте- как лики Его
не для зрения чистые...

Мы грешны... и потому не видим Духа. Поэт своими стихами пытается помочь нам увидеть доселе незримое:

...светом- без силы всеильным!-

Философ современности увлекает за собой своим светом, без насилия, и поэтому его творчество всеильно! Ибо "там- где господствует Стадия Гнили как Место Народа", необходима мощь, дабы направлять в нужное русло мысли и чувства человечества, чтобы Великий народ не канул в Стадию Гнили.

Мысли и чувства

Душа и разум.

Для нас привычно такое разделение. И незаметно для себя мы начинаем противопоставлять их, воображать нечто вроде весов, на одной чаше которых лежат чувства и душа, а на другой- мысль и разум: что перетянет?!

У этой схемы глубокие исторические корни. Много веков просвещённые (для своего времени) люди искали (и находили) два независимых органа человеческого тела- вместилище разума и вместилище чувств. И хотя наука всё увереннее называла мозг единым органом восприятия мира, познания и ощущений, в поэзии прочно уко-

решилась традиция писать о "пламенном сердце и холодном рассудке". Подобные литературные обороты вошли в живую речь, а в наши дни переродились в бесплодные дискуссии о "физиках" и "лириках". Почти двести лет подобное противопоставление высмеял Гёте в беседе мудрого Фауста с прилежным, но недалёким учеником Вогнером. Стоя перед учителем в ночном колпаке и с лампой в руке, Вагнер рассуждает о своём стремлении к знаниям и признаётся, что в нём "ужасное кипит к наукам рвенье", вот только не достаёт слов, чтобы выразить свои мысли. Фауст отвечает:

Когда в Вас чувства нет, всё это
труд бесцельный.

Нет, из души должна стремиться речь,
Чтоб прелесть правдивой, неподдельной
Сердца людские тронуть и увлечь.

Можно вспомнить более близкие нам слова Пушкина:

Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Перед ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и
тлеет

Перед солнцем бессмертным ума.

Подобные мысли очень близки и Айги:

Холм: Сосны: Полдень
Солнце
Остановленное
Словом

А какие мысли и чувства возникают у вас?

- А что мы знаем о нём, нашем современнике и соотечественнике.
- Ничего. Долгие годы наши читатели не имели возможности читать одного из крупнейших поэтов из ныне живущих.

Антуан Битез назвал Айги "Малларме с Волги". Его значение в чувашской культуре, его путь в поэзии России, его место в европейском контексте невычленимы. Айги-лауреат Французской Академии имени Поля Дефея, нескольких других зарубежных издательских премий, а ныне и лауреат Государственной премии Чувашии. Но не в премиях дело, а в том, что на российских просторах у поэта появился свой читатель, с которым не нужно заигрывать, который склонен к сосредоточенности и терпению. И я читаю поэта, которого порой не понимаю, но принимаю и люблю.

Поэзия эта обладает достоинством, полностью отсутствующим в официальной лирике: умолчанием, недоговорённостью, внутренним переломом слова, благодаря которому несказанное, всё, что спрятано за пропуском, перед которым стихотворение прерывается или вздыбливается, - всё это преобразуется в смысл.

Поэзия Айги - это защита собственной души от многих тираний, в том числе и от тирании масс-культуры. Он сумел защитить свою душу от вторжения в неё нечистот выгребных идеологических ям, от ядовитых нефтяных разводов "злобы дня". Питер Франс, профессор Эдинбургского университета, заметил, что стихи Айги "скорее похожи на шуршание листьев, чем на декларации публичного поэта". Да, Айги использует магию слов, своими заклинаниями превращая их в сложные иероглифы, размещённые в ассоциативно-смысловом пространстве. Теряя в количестве читателей, Айги выигрывает в их качестве. Сам о себе он говорит так: "Пишу" для меня равносильно выражению "я есть", или - "я ещё есть".

Судьба Геннадия Айги трагически и одновременно счастливо парадоксальна. Чувашский мальчик из деревни Шаймурзино, сын сельского учителя, приехавший в Москву с родной землёй под ногтями, вошёл в контекст мировой литературы. Айги, как выдающийся поэт-модернист, долго не находил признания у себя на родине. Однако, его нельзя считать "отверженным" поэтом, потому что он практически ничего не добивался. Он не принадлежал к завоевателям пространства. Он жил под тезисом Бориса Пастернака: "Привлечь к себе любовь пространства" самим своим существованием. Пространство само пришло к нему.

Айги - представитель моего народа, поэтому в нём есть и моя частичка, доля корней моих предков.

Каждый сын - продолжение отца, и каждая дочь - подобие матери. Айги видит в своём сыне звено в связующей цепи поколений и посвящает ему такие строки:

Пять матрёшек
(На рождение сына Андрея)

Что смотреть ходили вы в пустыню?
трусость ли, ветром колеблему?

Лука, 7, VII

I

есмь

2

благодарение

воздуху - чреву вторичному

3

идеи

Ты нас окружаешь

как шёлком

4

во Времени мы - как в составе

покрова

Природы

5

Собой

Окружи

Человек родился. Чело + век! И человеку своей веи надо прежить так, чтобы чело его было "Солнцем-Светилом", чтоб из него исходил дух творчества, чтоб огонь души не погас.

И АЙги благодарен чреву вторичному, Природе, которая приняла его сына, которая приняла и нас. Что ждёт Андрея и нас?

"Боги, боги мои! Как грустна вечерняя земля! Как таинственные туманы над болотами!" - эти слова М.Булгакова говорят о многом, но почему - то вспоминаются именно они, когда читаешь второй аккорд стихотворения Айги. Почему? Кто не любовался чревом Природы, кто не печалился, наблюдая за муками её? Нет такого человека, точнее сказать, не должно быть, но, к сожалению, есть и такие. Кто излечит это чрево? Кто? Человек! Ибо нет во Вселенной иного существа, способного это сделать.

Идеи ты

нас окружаешь,

как шёлком.

Да, родился малыш, появились вопросы, они шуршат, как шёлк, переливаются. Их много:

- Кем станет сын?

- Каким вырастет?

- Сможет ли не забыть землю родную?

- Не забудет ли предков своих: отца, деда?

И завязался перед свечой и иконой тихий ручеек идей:

- Андрей не забудет нас!

- Нет, он в деда, дед не забыл своего отца.

А мы вспоминаем своих родителей, очищаем перед ними свою душу, во многом раскаиваясь?

во Времени мы - как в составе

покрова

Природы

Покров Природы, мы в составе его. Время уносит нас неумолимо в безвозвратную даль. И чтоб оставить свой след на земле и остаться во времени, гори, гори душой, пока ты в силах...

Собой окружи!

(Кузина Надежда, шк. Iб,
г. Невчебоксарск. 1994.)

Габенко А. Корни жизни. Иллюстрация к
произведению Г. Айти "Круг". Б. Тушь. 1996.

Свобода и бесконечность бытия.

(Рецензия на произведение Г. Айги

"Поле: мост: травы".)

Чем больше свободы вы да-
ёте, тем больше вы получи-
те её сами.

Ингерсолл.

Почему я выбрала эту тему? Чем близок мне Г. Айги? Впервые я берусь писать рецензии. Мне пришлось просмотреть много тем, пока я добралась до этой. Прочитала название, что-то внутри вскрикнуло: "Да!"

Но почему Айги? Ведь его поэзия сложна, не всем доступна. Взяв впервые в руки его сборник "Здесь", прочитав одно из стихотворений, можно заметить лишь набор слов, которые иногда даже не подходят по смыслу. Но как заметил Лонгфелло: "Как только вы поняли характер самого писателя, понимание его творений не составляет для вас никого труда".

А ведь действительно! Нужно только понять мотивы души поэта, как перед нами открывается его личность и смысл творений. Г. Айги — это наш современник. Он, можно сказать, своеобразный герой нашего времени. Этот поэт пытается донести до нас свои мысли так, чтобы мы поняли и приняли их.

Г. Айги поднимает множество вопросов, вечно терзающих нас. В его произведениях ярко высвечиваются проблемы вечного бытия, ответственности, поиска смысла жизни.

Теперь я хочу ответить на свой вопрос. А выбрала я для раскрытия этой темы поэзию Г. Айги, потому что в нём я почувствовала что-то родное. Ведь Геннадий Николаевич Айги родился в деревне Шаймурзино Батыревского района Чувашской АССР. Что-то внутри подсказало, что его произведения я пойму, что именно они заставят меня задуматься над смыслом жизни.

Больше всего в поэзии Г. Айги меня привлекает свобода, бескрайность, бесконечность, которые так и манят к себе. Именно свобода, её описание мне нравится в его стихотворениях. Эту свободу поэт доносит через поля, леса, через небо...

Теперь я попытаюсь объяснить свободу в его стихотворениях. Для этого я выбрала стих "Поле: мост: травы":

Пюмарту

вздог
проявление

в поле в безлудьи

(да: снова немногие да: за селом)

- немногие травы как светло-головки
где-то в свечении яви легко отдалённых
все же при сердце всегда возникающих
лёгких без слов сыновей...-

и обвеваг

прежней живой золотой чувствительности:

о не развеять!- светла

и в полёте- как дома!-

да вот ещё: ветер! как будто самоизлученье вселенной!...
такой бесперывно-блистающий ветер!...-

в открытуй ясность

слуха все-родинного

светит- и ранит как душу:

езде обрабатывает

сиять золотистым дроблением

воздушным да в крапинках крови

(в каплях пролальных

страдания мысли прощальной)-

ширя- с собой- редство

в лучах- как в сознании на воле

до боли родимых!...-

:

- ...да присоединяется лес своим шелестом

Поле... В этом слове и таится свобода. Поле без границ. Ничто ни-
где его не притесняет. Это бесконечность раскрытия. После него идёт
ещё что- то и ещё, ещё... За ним нельзя ставить точку. Поле- это
вечность, в которой наша жизнь- миг.

... и обвеваг

прежней живой золотой чувствительности:

о не развеять!- светла

- и в полёте- как дома!..

Когда нами овладевает свобода, мы в полёте. Мы летим, не зная, что живём. В нас свобода! Свобода- туман. Туман мутит наш разум. Мы перестали существовать, мы начинаем жить. Наши глаза смотрят на всё, по- иному. Мы отрываемся от реальности.

...в открытуй ясность

слуха все-родинного

светит- и ранит как душу:...

В наших думах появляется новые струны, в нас рождаются новые чувства. Именно свобода даёт возможность ощутить полноту жизни.

... шире- с собой- родство

в лучах- как в сознании на воле

до боли родных!...

В нас просыпается чувство родственности. И тогда мы превращаемся в родинки, рассыпанные на одном поле. Причём, оторви одну, упадут все остальные.

... в поле в безлесьи...

Я в поле. Надо мной светит яркое солнце. Рядом лес. Вокруг никого. А что ещё нужно, чтобы познать свободу? Я читаю стих Г. Айги

"Лес- после поля":

даль- просветляет тебя: не показывая
(словно

без признака времени

схожее

что -то

проходит)

тени в полях- как страдания простора!-

я забываюсь: отсутствие видимости

всё больше становится

отсутствием слышимости: музыкой- самой свободной!

нет- это знавшей души!-

(и так много

проходит

всё кончилось

а продолжается)-

не видеть не знать не достигнуть!

и только тогда проясняется

то- что немного

уже от тебя:

вздорг- дуновенье!-

словно в поклоне невидимом
менственен- светел- высок

По- моему, лес тоже символизирует свободу. Но эта свобода с препятствиями. Ведь лес - лабиринт. Значит, это свобода, в которой можно запутаться. Иди к ней правильной дорогой; лабиринты не страшны.

даль- просветляет тебя: не показывая
(словно

без признака времени

схожее

что- то

проходит)...

Сверкая яркими и манящими огнями, свобода может ослепить нас. Прывыкнув к свободе, невозможно снова зайти в клетку. Свобода ощущается, её немного. Как писал Бёрк: "Чтобы свободой можно было обладать, её тоже надо ограничить".

Лес подобен нашей жизни, в которой свобода играет важную роль. Без свободы человек не может познать самого себя. Каждый из нас свободу понимает по- своему. Для кого- то свобода - это занятие любимым делом, кто- то подразумевает под этим словом счастье, а кто- то просто ощущает себя свободным.

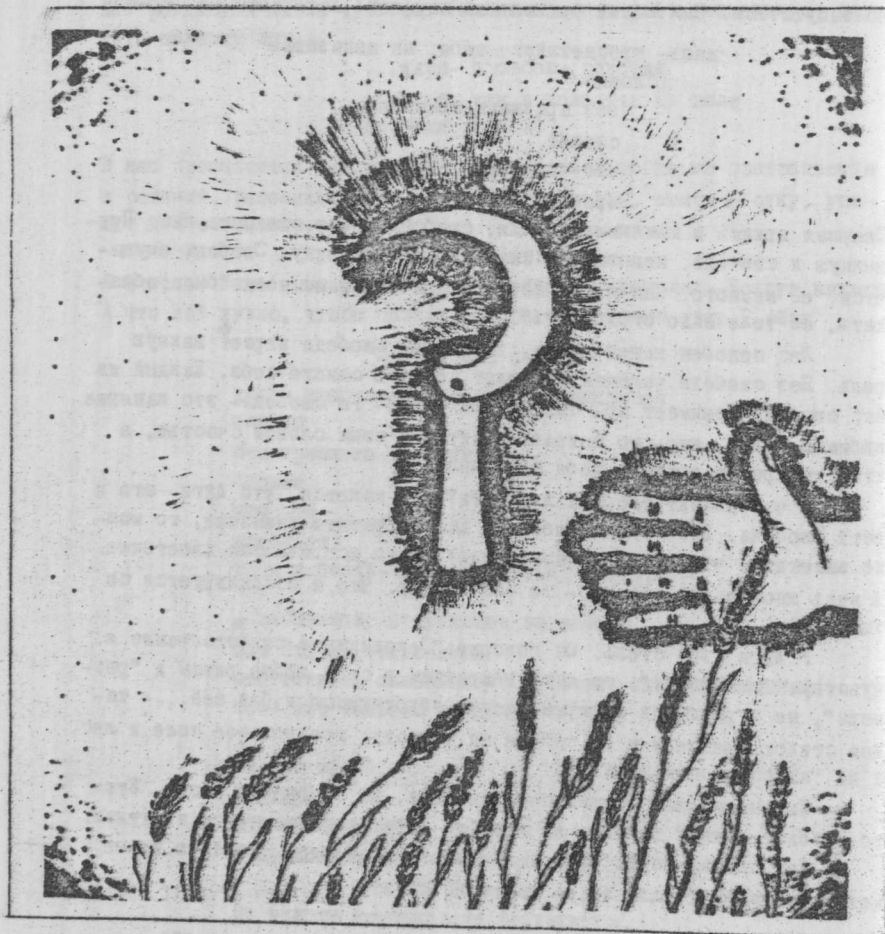
А что значит свобода для Айги? Мне кажется, что Айги - это и есть свобода. Его стихи свободны. Если обратить внимание, то можно заметить, что в его произведениях часто встречается двоеточие. А ведь двоеточие - это что- то обобщающее. Что и ассоциируется со свободой.

У Айги свой стиль. Он говорит: "Сегодняшнее стихотворение я чувствую "свободным", то есть вбирающим в себя любые ритмы и "размеры", не чурающимся и ритмы, легко обходящимися и без неё... - такое стихотворение как бы похоже на природу: это вольное поле и лес, а не "классический парк".

Каждый из нас стремится к свободе, не осознавая этого. Кто- то находит лёгкую дорогу, но кто- то добирается тернистыми путями.

Как сказал Уайт: "Свобода - единственная вещь, которую вы не можете получить, если вы не даёте её сами".

(Тимофеева Елена, шк. №16.
г. Новочебоксарск. 1996.)

Мищенко Е. Почвогоренъе от рук. Илл-
страция к произведению Г. Айги "Круг".
Б. Тушь. 1996.

"Стихотворение- название: белая бабочка" -

Никогда не выражаться
яснее, чем ты думаешь.

Н. Бор

Айги как поэтическое явление XX века занимает особое место в истории литературы: чуваш, пишущий на русском, принёс современной русской поэзии самое большое признание в мире; представитель небольшого народа на самом восточном крае Европы, он один из первых создаёт на русском языке авангардную поэзию европейского типа.

Айги поднимает проблемы счастья, ответственности...

Стихотворение-название:
белая бабочка, перелетающая
через сжатое поле

Перед нами стихотворение Айги- поэта, вчера ещё ведомого в России узкому кругу друзей и почитателей. Европейская и мировая известность Айги не прерывалась в родные пространства, сквозь стену озлобленно- преднамеренного умолчания. Теперь не так.

Тому, кто впервые открывает для себя творчество Айги и сталкивается с трудностями семантического восприятия, можно дать добрый совет: слушайте музыку молчания, воспринимайте ритмический всплеск свободных вдоха и выдоха, всматриваясь в рисунок. И это вам поможет открыть для себя его творчество, я убедился сам, делая это.

Прочитав это стихотворение, я озадался между "небом и землёй". Это так. Читая его стихи, ты проникаешь во Вселенную, познавая её, себя и других. Но прежде ты должен, наладить к нему лыжи, войти в его "ближний круг". Его стихи, как зашифровка у Галилея о звёздах, которую расшифровывал Кеплер и расшифровал неправильно некоторые зашифровки.

Я попробую расшифровать стихотворение Айги и познать, что он зашифровывает в этих словах. Айги хочет сказать, что белая бабочка, перелетающая через сжатое поле, ушла от сильного "размаха крыльев коршуна", который кружит над сонным лугом, высматривая добычу.

Бабочка и снежинка- вестники Вселенной, несущие нам жизнь. Бабочка и снежинка- кратковременная жизнь. И это правда. Ведь они живут несколько месяцев. В противоположные времена года: снежинки- зимой, а бабочки- летом. Бабочка- это жизнь, самое прекрасное и красивое насекомое.

Бабочка- борец. Она борется за свою жизнь, за своё потомство,

как у Александра Блока в стихотворении "Коршун". Где мать защищает, оберегает своё дитя от коршуна, который кружит над избушкой матери и ребёнка.

Может, поле сжато от войн, которые идут и не заканчиваются. От взрывных волн снарядов, которые не перестают взрываться даже в мирное время - Чечня, Босния и Герцеговина. Это видно и у Александра Блока в стихотворении "Коршун".

Сжатое поле - время. Ведь поля всегда были сжаты, как начались первые войны.

Бабочка - звезда, которая скоро потухнет. Белая бабочка - символ добра, ведь зло - чёрное, а добро - всегда чистое, белое, как крыло бабочки. Белый цвет бабочки - как у невесты брачное платье.

Айги показывает, что бабочка летит через сжатое поле, пока жива. Она летит, как время, которое летит с той же скоростью. Если бабочка летит, значит, жизнь продолжается, как жизнь Иисуса Христа. Но, когда она перестаёт лететь, жизнь заканчивается.

Я согласен с Геннадием Айги в том, что сейчас время беспокойное, что люди сейчас не смотрят ни на что. Убивают, втаптывают в грязь, чтобы лишь заработать деньги, как можно больше. Айги хочет сказать этим стихотворением, что люди должны вместе взяться за ум, чтобы восторжествовала мудрость. И поле тогда будет давать большой урожай. Я хочу, чтобы бабочки летали спокойно над полями, зная, что никто не выстрелит в них. Сейчас большинство людей живут только для себя, за счёт других, как вампиры, высасывающие чужую кровь, придавая себе силы. Как чёрные дыры в космосе, которые тянут к себе и не выпускают обратно,

Я за белую бабочку!
Я за мир и согласие!
Я за любовь и добро!
Я за справедливость!
Я за поэзию Айги,
несущую свет!

(Стрелков Владимир, шк. №16.
г. Новочебоксарск. 1996.)

Кондакова Л. Белая бабочка. Иллюстрация
к произведению Г. Айги "Белая бабочка,
перелетавшая через скатое поле". Б. Тушь.
1996.

Проблема ответственности человека.

Я посвящаю своё сочинение
Геннадию Аиги.

Здравствуйте, Геннадий Николаевич! Пишет Вам простая ученица, уважающая и ценящая Ваш труд. Мне кажется, что самое сложное для поэта-написать так, чтобы тебя поняли. Я права? Также, самое сложное для человека- быть ответственным за себя, за других, за природу... Вы посмотрите вокруг и попробуйте назвать окружающее "ответственностью". Нет, если кто-то сделает это, он совершит ошибку. Возьмём, к примеру, произведение Виктора Астафьева "Лидочка". Сама она живёт в вечном хаосе. Грязные улицы, разбитые окна, на каждом шагу хулиганя, за которых никто не несёт ответственности. Лиди вабили; что есть слово "ответственность". Нет, я не имел в виду всех людей, но фактически... Мы сейчас в чёрном-чёрном коридоре, где абсолютно ничего не видно. И ты стоишь и просишь бога в молитвах о пощаде. За что мы страдаем? За грехи предков? За свои грехи?

Давайте посмотрим на себя со стороны. Например, я. Гордая, безответственная, но справедливая! Выходит, что во мне больше плохого, чем хорошего. А ведь есть люди похуже.

Чернобыль. Это слово держится в памяти людей уже десять лет. Кто должен был быть ответственным за то, что произошло в тысяча девятьсот восемьдесят шестом году? Те, кто проверяет исправность аппаратуры. "...с момента аварии никто не кричал об угрожающей зло роюв людей радиации", - писал в документальной повести "Чернобыль" Юрий Шербак. Это ли ответственность?

Мы уже можем делать выводы: люди безответственны, как только что рэдившийся ребёнок. И никто не может и не должен отрицать этого. Безответственность встречается и в садиках. Ведь есть такие воспитатели, которых не волнует судьба детей, воспитываемых ими. Им бы отработать смену и пойти домой. Сколько было случаев смерти или травмирования детей. Всё это случалось из-за недосмотра за детьми воспитателей. Помню, как где-то я прочла о смерти трёхлетней девочки на прогулке. Воспитательница разговаривала с кем-то, а в это время Катя (так назовём девочку) подошла к фонарному столбу, откуда торчали провода. Катя не знала, чем может ей это грозить... В результате девочка умерла.

А природа? Мы губим её, не задумываясь над этим. Сколько зверей занесено в Красную книгу? А ведь они тоже хотят жить. Звери, как и мы, живые. Из-за безответственности человека погибли миллионы жизней. Вот, например, взять ту же самую вырубку лесов. Срублено дерево, оно падает. А вдруг там было дупло? Ладно, дерево упало. А можем ли мы быть уверены, что мы не придавили какого-либо зверька. Конечно, нет!

А море? Подсчитано, что уже одна треть Мирового океана покрыта нефтяной плёнкой. Погибают птицы, рыбы, питательный для китов планктон.

Я абсолютно уверена, что вы со мной согласны! В ваших произведениях я тоже вижу вопросы об ответственности. Возьмём стих "Долго-"душа": жили были". Здесь поднимается вопрос об экологии. По крайней мере, я так понимаю эти строчки:

долго: со студнями кож человеческих

трупа-железа-сырья:

ржавого (пели: "сякая

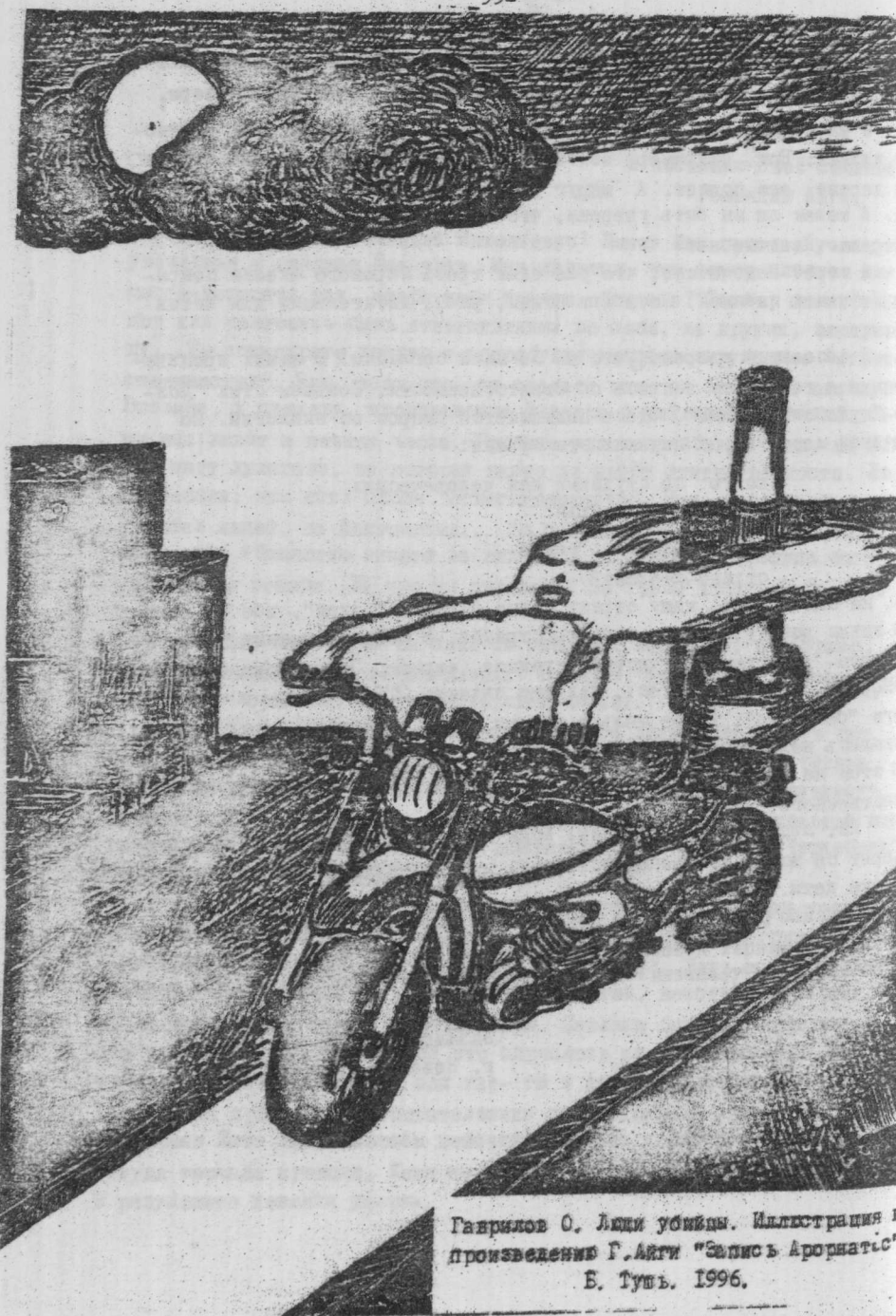
страна-сторона")!-

Да, на самом деле, нашу страну можно назвать "сякой", ибо то, что мы видим вокруг, нельзя назвать страной. В своём понимании, страна - это что-то огромное, чистое, дружное, мирное. Само слово об этом говорит. Вы прислушайтесь, как оно звучит: СТРАНА! Нет, я не вижу того "большого". Разве только поляны, луга, деревья, леса, то, что осталось незатронутым или, как говорят, девственным. Но человек и об этом не задумывается. Скоро не будет и этого красивого, чистого, девственного!

Да, люди безответственны! Если даже и не замечают этого, они твердят со всем, что попадётся, всё, что захочется, как глупые капризные дети.

Спасибо Вам, Геннадий Николаевич, что Вы дочитали моё письмо. На этих страницах я попыталась Вам написать всё то, что должно волновать каждого человека! Ваша задача: согласиться со мной или нет!

(Вазанова Мария, шк. №16,
г. Новоcheбоксарск, 1996.)

Гаврилов О. Люди убийцы. Иллюстрация к
произведению Г. Агги "Зались Арморнатс"
Е. Тушъ. 1996.

Наверное, не раз в жизни мы будем искать ответы на все эти вопросы. И, может быть, не раз ответ мы найдём в стихах Айги.

"Философия в поэзии— это всё равно, что серебро в колокольном сплаве", — сказал Менцель. Чем больше серебра в колокольном сплаве, тем мелодичнее и звучнее колокольный звон; чем больше ответа можно найти в стихах на жизненно важные вопросы, тем ярче, значительнее поэт, писатель.

Я думаю, что Айги смело можно назвать "душой мира". Его стихи заставляют думать, они обогащают человека. Разве можно не любить их? Возьмём стихотворение "Путь":

Когда нас никто не любит
начинаем
любить матерей

Когда нам никто не пишет
вспоминаем
старых друзей

И слова произносим уже лишь потому
что молчанье нам страшно
а движения опасны

В конце же— в случайных запущенных парках
плачем от жалких труб
жалких оркестров

Каждый сам выбирает себе путь. Путь Айги— это защита собственной души от многих тираний. Защищая её, он живёт.

Жизнь— это река, текущая в пучине лет. Человек течёт по реке против течения, борется с жизнью, чтобы не попасть в её лапы и жить только так, как приказывает безжалостный закон жизни; лишь поборовший течение и вышедший на берег может считать, что он достиг всего, что ему хотелось, и выполнил свой долг до конца. Но есть льды, которые, истратив все свои силы, опускаются на дно. Такие льды очень одиноки. А одиночество приносит с собой страх и неуверенность в завтрашнем дне. Мы смотрим на мир и на себя через пелену, в которой нет тепла и радости, в ней все чувства заморожены, и кажется, что в окружающем пространстве нет ничего, кроме этих замороженных чувств. Они разрушают тебя, быт по самому сердцу.

Когда человек одинок, он замыкается, словно уходит в глубину

своего существа. Он не замечает окружающих, он полностью поглощён своими мыслями. Может быть, одиночество иногда полезно: ведь именно наедине с самим собой начинаешь по-другому смотреть на мир, принимая на себя всю боль человечества. Но такой замкнутый человек со стороны будет смотреться как-то отчуждённо; мы отворачиваемся от таких людей, не желая их слушать, перестаем их замечать и любить. Поэтому они начинают любить своих матерей, которые всегда остаются верными своим чадам, вспоминать старых друзей, с которыми связаны хорошие воспоминания. И в этом пространстве-пространстве темноты и одиночества-человеческая жизнь бьётся и пульсирует в атмосфере непонимания. А там, где непонимание, там страх, и потому душа болит и страдает.

Для того, чтобы выбраться из этого состояния, человек должен себя уважать-какой бы он ни был, он всегда своей цены стоит. Именно от нас самих зависит наша дальнейшая жизнь. На человека оказывает влияние судьба, она мешает человеку стать самим собой. Нужно побороть судьбу и пройти через жизнь чистым и светлым, чтобы потом не было стыдно за свою прожитую жизнь.

А вот ещё одно стихотворение Айги, которое не оставило меня равнодушной, "Розы в горах":

откуда боль?
желание не быть?—
или иногда мы знаем:
сама "я"-красота
вдруг: т а м:
которую мы помним?—
как смерть: и рядом и недостижима?—
не-действующая:

:
а чистым бого-голосом:
(без цвета
без идеи даже места!)
(как дух
где боль уж не содержится):
всё более
и более:
"я"-красота
что может стать
единственное

единственное е с м ь? -
как боге-красота! -
(в что- для нас? -
идеей
будто
нищенства:
окружена
пока
и болью цвета:
и болью- может быть- души)

Как и тысячи лет назад, мечется человек между злом и добром, разрывается между добродетелью и пороками, раздирает душу своей пустотой и сомнением, страхом и одиночеством. Мы хотим услышать голос души, но она оглохла за века и странствует во времени, причиняя боль. Откуда эта боль- боль души?

Одного дыхания космоса достаточно для того, чтобы смахнуть нас с лица земли, ведь человеческая душа превратилась в засорившийся дом. Мы настолько сильно погрязли в грязи и в мусоре, что никак не можем спасти себя. Ещё вчера мы дышали полнотой жизни, ещё вчера наша душа напоминала вечность. А сегодня мы сами себя губим, да ещё топим своих друзей и близких.

Как заметил Гёте: "Природа- единственная книга, каждая страница которой полна глубокого содержания. Природа не признаёт шуток; она всегда правдива, всегда серьёзна, всегда строга; она всегда права; ошибки же и заблуждения исходят от людей".

Безжалостно врываясь в природу, мы открыли мизерную часть её тайн, застыли оцепеневшие деревья, стоят тёмные и бесплодные, неживые. Но не природа бесплодна, а мы. Это мы грубо и некрасиво врваемся в её мир, мы губим всё, что попадаете нам под руку. Кажется, природа уже устала от нас, если присмотреться, то можно увидеть её слёзы горечи и обиды.

Природа- отражение нашей души, а значит, мы загубили свою душу. Мы оказались ремесленниками, а не творцами, поскольку природа для нас стала, по Базарову, "не храмом, а мастерской".

Может ли природа мстить за наше варварство, я не знаю. Но душа страдает от того, что ей причинили боль.

Вот ещё стихотворение, которое о многом мне говорит:

"И: об уходящем".

когда задерживается

распродавшийся-

молчат...-лишь изредка

падают листья-

безвестья никчёмная

(долго ль?)

заметность...-

в глаза не смотрят...- в застолье тихо...-

и лишь свеченьем

свободным...- чуть-чуть отстоящим:

держится (с вольным- от всех- назначеньем)

и есмось хлеба (да им перелито

будет и место!...) и рядом- н е м н о г о с т ь-

вещей- притихших...

Человек ходит по жизни кругами, не достигая его центра- Вселенского разума. Но стремление всмотреться в происходящее, понять и осознать его делает человека исследователем, стремящимся познать Вселенную. Я- часть Вселенной, я мысли, значит, я существую, значит, я- настоящее, я-связующая нить между прошлым и будущим.

В жизни каждого человека что-то происходит. То, что мы сделали или сказали- всё это прошлое, оно становится историей. Над нами время, оно диктует нам свои правила. В мире нет ничего постоянного, всё рождается и умирает, есть и, глядишь, уже было. Само течение времени вызывает постоянные изменения в наших состояниях души, как бы заставляет человека подниматься "до уровня века".

Мы сами устанавливаем себе ритм движения, достигаем высоких нравственных вершин. Но время неумолимо бежит вперёд. Мы живём сегодняшним днём, не задумываясь о том, что ждёт нас завтра. Свою жизнь мы должны прожить так, чтобы потом не раскаиваться за свои поступки, действия, за произнесённые слова. Мы должны защищать свою душу. Ведь потом всё это уйдёт в прошлое, на которое поставит свой печатъ вечность.

Я остановила свой выбор только на трёх произведениях Аиги, но любое его стихотворение вызывает в душе массу чувств и мыслей. Этим мне дорог автор, а его произведения любимы, потому что "хороша та книга, которую открываешь- предвкушая, а закрываешь- обогатившись".

(Козлова Елена. шк. №16.
г. Новочеркасск. 1996.)

Рецензия на произведение современной литературы. (Геннадий Айги. Новая модель поэзии. Сила слова.)

Там чудо покрывает ум.

Г. Айги

При прочтении названия моего сочинения возникает вопрос: "Почему новая модель? Разве можно создать новые формы в поэзии? А АЙГИ-не поэзия?!"

Возможно, что не все могут понять и принять эту поэзию, но ведь многих гениальных людей отличает возможность, дар творения для грядущего поколения.

Айги. Нельзя однозначно судить о его произведениях. После издания так же, как после рождения ребёнка, они живут своей жизнью. Гениальность этих слов в том, что читатель воспринимает их в зависимости от своих чувств и переживаний в данный момент. Не каждый способен понять этот, казалось бы, бессмысленный набор слов, а знаки препинания — объяснить.

Задумайтесь, вспоминаете ли вы о стандартной форме построения текста, когда пишете письмо любимому человеку? Нет! Основная цель этого вида общения в том, чтобы выразить все чувства, переживаемые к тому, для кого пишете.

Бумага. Вполне привычный предмет. Не для поэта она олицетворяет открытое небо. Айги пишет:

там чудо покрывает ум

Ум не может писать, но пишет рука, управляемая чудом познания. И чудом можно назвать следы радости, которые проявляет человек при осознании великого творения. Осознать — творить. Стать человеком, который вник в суть произведения, воспринял его, нашёл ту идею, что хотел показать автор. Но главное — слово. Слово у Айги становится существующей субстанцией. Его стихи являются той материей, которая создаёт мысленные образы. Значение слов, а не количество слогов — вот главное.

Творчество Геннадия Айги — не единственное в истории литературы изменение стандарта в пользу значения слова. Велимир Хлебников — крик, призыв, декларация. Поэт начала двадцатого века, пионер, который впервые, возможно, попытался передать ритм всеобъемлющего бытия. Хлебников не принимает принципы поэтической речи предшествующих ему школ. Но Айги, который является наследником Пастернака, не согласен с этим. Что же их объединяет? Прежде всего то, как Айги и

Хлебников воспринимает верховенство слова и смысла. Хлебников призвал сделать немой язык понятным. Айги в стихотворении "Стихи с пением" пишет:

Хор

(Пение без слов, возрастающее постепенно.)

Оба поэта стараются воздействовать на читателя чувством, заложенным в слово. Образ строится на основе противоречий, противопоставлений, на сочетании несочетаемых слов. Но Айги идёт дальше. Он применяет в стихотворениях не только словесные образы, но и образы художественные:

(о снова ты:
свобода + сон)...-

Одним из лучших произведений Айги я считаю стихотворение "Холм: Сосны: Полдень". В нём выражено всё необычайное чувство слова. Айги в этом стихотворении создал образ, который нельзя подогнуть ни под какие рамки:

Солнце
Остановленное
Словом

Что же может сравниться с этим неограниченным полётом мысли-материи? Только "Чёрный квадрат" Малевича. Но если у Малевича картина является законченным образом, то у Айги-нет. Это позволяет читателю самому творить.

Я думаю, что в данном стихотворении показана сила слова. В этой краткости заложена вся гениальность осуществления невозможности. Сила, которая может заставить материализоваться идею, внести в мертвые буквы осознание парадокса. Всего три слова, но в них заложена цель, ради которой и создается любое произведение: материя может создаваться из слова.

В заключение я хотел бы привести отрывок из своего анализа стихотворения Г. Айги "Стихи с пением": "Звук хора без слов- проявление не колебания воздуха, а эхо капли, упавшей в море росы. Это пение становится громче и громче, превращаясь во вселенский гул. И в этот момент появляется то чувство, которое так редко можно ощутить в мире- единение с вечностью.

А выводом ко всему написанному могут служить слова Бернара Дельвая: "Айги- один из крупнейших поэтов из ныне живущих".

Конечно, можно понять, что исключительная современность- вечная современность- поэзии Айги с большим трудом пробивает себе путь в сегодняшней русской лирике. Его язык- неслыханный по новизне".

одной из годовщины потери /стр.80/

сидишь в качалку : из-за тоски невыразимой!
раскачиваешь
сам себя
вроде бы себе прокладывая путь....
теперь уже -в самую Вселенную
задумываешься
а не рано ли?
ведь потеряешь!

но ведь и не зря
раскачиваешься
успокаиваешься
окришься !
заплачешь рождаешься !!
и возвращаешься !!!
на Земле- матушку
и благодарить Вселенную,
что крепче
что насыщаешь / /
что не разбрасываешься
что уже и не раскачиваешься!

а ТВОРИТЬ,

ТВОРИТЬ,

ТВОРИТЬ!

теперь уже для -

- самой ВСЕЛЕННОЙ

Автор : Иванов Николай Аркадьевич, 19

КАКОЙ БЫТЬ НОВОЙ ШКОЛЕ?

Концепция общеобразовательной школы-комплекса № 16 г.Новочебоксарска.
автор: директор школы Даенко И.И.

Что нужно, чтобы построить новую школу? Заложить фундамент, выстроить стены, перекрыть крышу, оформить внутренний интерьер здания. Это все в плане стрелительном. А в плане содержательном? Вопрос серьезный, даже каверзный, если иметь в виду весь его смысл и степень реального воплощения в жизни выработанного педагогическим коллективом видения. По нашему мнению, цели новой школы - это заложить глубокую гуманистическую философию, выстроить оптимистическую психологию развития учащихся, организовать подлинно творческую деятельность педагогического коллектива. Новочебоксарская средняя школа № 16 строила концепцию своего развития исходя из вышеперечисленных задач. Путь, пройденный школой за пять лет, позволил ей получить статус общеобразовательной школы-комплекса с эстетическим воспитанием и художественным образованием. Свообразным девизом для нас были и остаются слова Н.К.Рериха: "Осознание красоты спасет мир".

Философия творческой индивидуальности преворена в жизнь и в интерьере школы. Главная задача подколлектива - помочь каждому ученику за 11 лет обучения увидеть, распознать самого себя, своё уникальное, многогранное, развивающееся "Я", координировать психологическое развитие ребенка. С этим связана и проблема, над которой работает школа: "Развитие творческих способностей учителя и учащихся через гуманизацию учебно-воспитательного процесса; равные специализации; профессиональную ориентацию". Отсюда общая цель такова: изменив всю систему ценностей нашего общества, готовить не полуграмотных, не заинтересованных в результатах своего труда рабочих, не невежественных чиновников, не псевдоэкономистов, не умеющих рассчитать простую модель козрасчета, а профессионалов на всех уровнях трудовой деятельности.

Если мы хотим развивать уникальную индивидуальность ребенка, требуется и новая педагогика. Какая же? В наших школах в течение долгих лет насатпалась педагогика формирования личности строителя коммунизма. А нам сейчас нужна педагогика взращивания, которая учит детей ориентироваться в многообразии изменяющегося мира, самореализоваться в обществе, семье, выбранной сфере деятельности.

Сейчас школа отчуждает ученика от учителя, учителя от себя как человека, а их обоих от совместной образовательной деятельности. А мы хотим, чтобы свои проблемы учитель и ученик решали сами, исходя из

внутренней целесообразности, поэтому учим ребенка любить людей, видеть прекрасное вокруг себя, создавать красоту, воспитывать в себе духовность. Разумеется, это не воспитание индивидуализма и индивидуалистов, и этот процесс протекает на широкой базе сотрудничества.

Как это сделать? Все дети получают в начальной школе эстетическое образование через обязательные уроки хорового пения, музыкальной грамоты, хореографии, театра, изобразительного искусства. Для этого сформированы и спецклассы: хоровые, художественные, хореографические, театральные студии, студия духовного оркестра, эстрадной музыки. Прием в эти классы проводится с первого или пятого классов. Осуществляется индивидуальное обучение на музыкальных инструментах (по желанию ребенка и за оплату родителей). Разработаны специальные программы, подобраны кадры. Положительные результаты уже имеются: дети, в основном, понимают и умеют слушать музыку, разбираются в тонкостях хорового пения, исполняют богатую танцевальную программу. Ежегодно в школе проходят отчетные концерты. У нас оборудованы специальные помещения, зал, имеется необходимый набор инструментов, проводим специальные недели театра, хорового пения, классической и современной музыки, а выставки рисунков действует постоянно.

Мировой закон школьного образования, гуманитарная составляющая, предполагает гуманизировать школьный курс, то есть "очеловечить" школьные предметы. Гуманизация поможет воспитанию, но воспитание - это культура, а культура - это воспитание разума ^{и чувства}. Возможно ли настоящее воспитание без вышеизложенного? Конечно, нет! Наука доказала, что до 12 лет у ребенка формируется эмоционально-образная сфера, и нельзя упустить этот момент в воспитании. Во-вторых, нельзя выпускать ребенка в мир, не научив познавать себя и мир.

Мы поняли, что нашим ученикам не хватает знаний в области мировой культуры, поэтому ввели серьезный курс/с 6 по II кл./ "История культуры" (гораздо шире курса "Мировой художественной культуры"), оборудовали для него специальный кабинет с техническими средствами обучения.

Воспитательные цели обучения касаются всех областей развития личности будущего гражданина, специалиста: его мировоззрения, психологии, профессиональной зрелости, этики, эстетики, знаний конкретной экономики, мировой культуры, иностранных языков. Взяв курс на личностную ориентацию в обучении, поэтому учебные планы 2-й и 3-й ступеней построены исходя из основ будущей профессиональной деятельности. Направленность обучения в каждом из классов предполагает три уровня

преподавания:

- 1) общеобразовательный (для непрофильных предметов);
- 2) уровень первичной (коллективной) специализации - в 5-9 классах;
- 3) уровень глубокой (индивидуальной) специализации - в 10, II классах.

Индивидуальной специализации способствует факультативы, стажировка в УПК или профильном вузе.

Обучение на каждом уровне позволяет достигнуть три познавательные цели: формирование научно-материалистического представления о предметах; передача необходимой суммы знаний; воспитание необходимого типа мышления и профессионального идеала. Практические цели обучения связаны с коммуникативными, технологическими, профессионально ориентированными для учащихся каждого классами другими общечеловеческими умениями и навыками. У наших коллег появляются собственные наработки по углублению содержания преподаваемых предметов. Так, созданы интересные материалы по изобразительному искусству, истории культуры, истории вещей, граждановедению, психологии и школьной этике. Преподаватели литературы удачно начали вводить в обучение элементы живой философии, или маевтики, создавать такую эмоционально-психологическую атмосферу, которая опосредованно сказывается на развитии культуры чувств детей и подростков.

"Многолетние исследования по выявлению индивидуальных способностей детей показывают, что уже в 2-4 года можно опраделлить уровень умственного развития ребенка. Результаты показывают, что дети в своем развитии способны, а 2-3% - одаренные. Иначе говоря, нет необходимости так долго, до 15-16 лет, выявлять интересы.

Интерес к учению падает в 5-6 классах, а возрождается к 10-11 классам. Потеряно много. Как этого избежать?" - пишет профессор Г.А. Ягодин. Мы думаем, что ответить на этот вопрос поможет уровневая дифференциация и ранняя специализация учащихся. Она организует для того, чтобы обеспечить успешное обучение всех детей, удовлетворить повышенные познавательные потребности других, добиваться реального продвижения вперед слабоуспевающих учащихся. Организация учебно-трудовой деятельности одаренных детей требует практической деятельности в этом специфическом направлении.

Сверхзадача образования: формирование самоуправления учебной деятельностью, уметь профессионально учить добру и благородству, организация творческой деятельности школьников. Творческое озарение школников (прошу воспринимать без иронии) - это результат таких учебных и трудовых ситуаций, которые организуются специально, чтобы учащиеся включались в продуктивное преобразование опыта. Такая деятельность способствует обретению самобытного стиля, интеллектуальной и прагматической деятельности школьников.

Чтобы школа и учитель развивались, они должны пробовать, экспериментировать, создавать новую практику образования, соответствующую времени и запросам общества. При этом мы помним, что все эти нововведения связаны с

риском, потому что такая работа связана с далеко не всегда гарантированным результатом, поскольку часть задуманного не удастся по разным причинам реализовать, а некоторые предложения и идеи оказываются преждевременными или ошибочными.

Русь знала две семьи - кровную и духовную, и лучшие учебные заведения способствовали расцвету духовности подрастающего поколения. Так давайте вместе возродить это.

По нашему мнению, очевидно, что будущее демократическое общество формируется в демократической школе. Душевная и нравственно-духовная красота - наш идеал, фокус отечественной культуры.

В воспитательной работе школа руководствуется основными принципами, заложенными в законах об образовании Российской Федерации и Чувашской Республики; подготовки учащихся к жизни и труду в новых социально-экономических условиях. Она осуществляется у нас через методику коллективной творческой деятельности учащихся, создание благоприятного теплого микроколлектива, затем создания содружеств классов разных звеньев. Так определяются контуры мегаколлектива, единого коллектива учителей, родителей и учащихся. Создавая крепкие связи между его компонентами, мы перенесли воспитательную работу в микрорайон, предварительно разделив его на зоны.

Постепенно сложились прекрасные школьные традиции: проведение выставок осенних и зимних букетов, рисунков учащихся, Дня любви, Дня смеха, Петешной ярмарки. Школа ежегодно организует обязательный двухдневный турпоход для всех учащихся, месячники театра, музыки, хорового пения, танца. Найдены, на мой взгляд, приемлемые формы проведения отчетов учителей и учащихся: предметные недели, мультifestивали, фольклорная и художественная практика учащихся гуманитарных классов.

Таким образом, упор в своей деятельности школа старается делать на чувственную сферу детей, развивая эмоционально-образное мышление, повышая культурный уровень посредством музыки, прививая навыки внутренней культуры детей, а также самих учителей и родителей.

В ходе проведения эксперимента (восприятие слова Айги) учащиеся старших классов показали развитое эмоционально-образное мышление, подтверждением тому являются их творческие работы, выполненные на уроках литературы и изобразительного искусства.

Библиография

1. Айги Г.Н. Здесь. - М.: Современник, 1991. - С. 194.
2. Айги Г.Н. Снова лес// Лик Чувашии. - 1994. - №4. - С. 83.
3. Айги Г.Н. Как бы громко это ни звучало// Чăваш Ем: - 1994. - №34. - С. 12.
4. Айги Г.Н. Молчание. - М., 1994. - С. 4-47.
5. Айги Г.Н. Предисловие к стихам// В мире книг. - 1988. - №3. - С. 21.
6. Айги Г.Н. Разговор на расстоянии// Лик Чувашии. - 1994. - №4. - С. 35.
7. Айги Г.Н. Речь при получении международной Македонской премии "Золотой венец"// Лик Чувашии. - Чебоксары, 1994. - №4. - С. 51.
8. Айги Г.Н. Теперь всегда снега. - М.: Советский писатель, 1992.
9. Айги Г.Н. Флоксы после всего// Лик Чувашии. - 1994. - №4. - С. 41.
10. Андреев Д.Л. Роза мира. - М., 1994. - С. 193.
11. Андрияшин Н. Поэт и гражданин// Октябрь. - 1989. - №12. - С. 196-197.
12. Балмонт К.Д. Элементарные слова о символической поэзии в ин: Русская литература XX века. Дооктябрьский период. Составитель: Трифонов Н.А. - М.: Просвещение, 1987. - С. 369.
13. Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук// Эстетика словарного творчества. - М., 1988.
14. Бахтин М.М. Проблема поэтики Достоевского. - М.: Советская Россия, 1979. - С. 42.
15. Бахтин М.М. Эстетическое наследие и современность// Межвузовский сборник научных трудов. Ч. I. изд.: Мордовский университет, 1992.
16. Белецкий А.И. Избранные труды по теории литературы. - М.: Просвещение, 1994. - С. 26.
17. Белинский В.Г. Собр. соч. в 9 томах. Том 2. - М., 1977. - С. 196.
18. Белый А. (пс. Бугаев Б.Н.) Арабески. - М., 1911. - С. 258.
19. Белый А. (пс. Бугаев Б.Н.) Начало река. - М., 1990. - С. 536.
20. Белый А. (пс. Бугаев Б.Н.) Символизм как миропонимание. - М.: Республика, 1994. - С. 4.
22. Бердяев Н.А. О назначении человека. - М., 1993. - С. 7.
21. Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики. - Париж, 1949. - С. 63.
23. Библер В.С. От наукоучения - к логике культуры. - М.: Политическая литература, 1991. - С. 375.
24. Библия, Книга пророка Иеремии I.6/ Вульгата/.
25. *Black H. Wegstatt Gespräche mit Schriftstillen München. 1965. S. 172*
26. Бирюков С.Е. // Литературное обозрение. - 1989. - С. 41-43.

27. Биряков С.Е. // Лик Чувашии. - 1994. - №4. - С. 47.
28. Биряков С.Е. Самоспасаящий сад поэзии // Волга. - 1988. - №12. - С. 64-66.
29. Блок А.А. Собр. Соч. в 8 томах. Т. 6. - М., 1963. - С. 32.
30. Блок А.А. Соч. в 2 томах. Том 2. - М., 1955. - С. 729.
31. БСЭ в 30 томах. Том 29. - М.: Советская Энциклопедия, 1978. - С. 589.
32. Бонуа С.М. Черновики Пушкина. - М., 1971. - С. 204.
33. Брик О. // Леф. - 1923. - №1. - С. 213.
34. Бродский И.А. Эстетика людей // Сегодня. - 1995. - 28 января. - С. II.
35. Боров Г. Проблема художественного восприятия / Вступительная статья / В книге Наумана М.: Общество. Литература. Чтение. - М.: Прогресс, 1977. - С. 12.
36. Брысов В.Я. Ключи тайны. В книге: Русская литература XX века. Составитель Трифонов Н.А. - М.: Просвещение, 1987. - С. 370.
37. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. - 1940. - С. 71-72.
38. *Wegner K. Studien und Aufsätze. Berlin 1959. S. 66.*
39. *Wegner K. Grundprobleme der Literaturwissenschaft Reinbeck bei Hamburg. 1962. - S. 59.*
40. Вознесенский А.А. Геннадий Айги // Лит. газета. - 1990. - 28 февраля.
41. Волков Г.Н. Парадоксы Айги // Советская Чувашия. - 1994. - 28 августа.
42. Волков Ф.И. Литература как вид художественного творчества. - М.: Просвещение, 1989. - С. 59.
43. Ворошильский В. Белый псевдоним молчания Бога // Сегодня. 14.01.95. - С. 13.
44. Ворошильский В. Сын Гуннов, тот самый поэт // Вестник РХД. - 1976. - №18. - С. 213.
45. Выготский Л.С. Психология искусства. - М., 1968. - С. 40.
46. Галинская И.Л. Загадки известных книг. - М.: Наука, 1986. - С. 3.
47. Горюфельд А.Г. О толковании художественного произведения // Введение в литературоведение. - М.: Высшая школа, 1988. - С. 439.
48. *Cottfried Beck. Gesammelte Werke in zwei Bänden. Wiesbaden. 1955. Bd 1. S. 507.*
49. Гройс . Русский авангард по обе стороны "чёрного квадрата" // Вопросы философии. - 1990. - №11. - С. 67.
50. Гуревич П.С. Проблема другого в философской антропологии М. Бахтина. // Бахтин как философ. - М.: Наука, 1992. - С. 90.
51. Даевин Е. Слово надо выстрадать // В мире книг. - 1968. - №3. - С. 20.
52. Данелия С.И. О философии Грибоедова. - Тифлис. 1931.
53. Докусова А.М. Восприятие учащимися литературного произведения. - М.: Просвещение, 1974. - С. 3.
54. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Том 13. - М.Л.: ГИЗ, 1930. - С. 531.
55. Евушенко Е.А. Защита собственной души. В кн.: Айги Г. Здесь. -

М.: Современник, 1991.-С.5-8.

56. Еремеев А.Т. От события к со-бытию // Межвузовский сборник научных трудов.- Саранск, 1992.-С.22.
57. Еажоян М. Вечер Геннадия Айги//Советская Чувашия.-1995.-С.5.
58. Задлецук В. Свет боли в глазах//Октябрь.- 1989.-#2.-С.202-206.
59. Иванов В. Заветы символизма. Бороздка межи.-М.,1916.-С.130-135
60. Ильин И.А. Пошнее сердце//Наш современник.-1991.-#7.-С.163-167.
61. Кант И. Сочинение в 6 томах. Том 5. М.,1965.- С.322.
62. Клизовский А. Основы миропонимания новой эпохи. В 3 томах-4-
- стереотипное изд.- Т.3.-Рига: Виеда, 1994.- С.6-7.
63. Клихе Д. Восприятие литературы.- В книге: Общество. Литература. Чтение.-М.: Прогресс, 1978.- С.217.
64. Кодранская Н. Алексей Ремизов. Письма// Вопросы литературы.- 1994.- #5.- С.76.
65. Колобаева Л. Право на субъективность// Вопросы литературы.- М.,1994.- #5.- С.51.
66. Кондратьев В. Предчувствие эмоционализма//Звезда.-1991.- С.142.
67. Кривулин В. О простоте, свободе и почве//Эмена.-1991.- 24 авг.
68. Крук И.Т. Русская литература XX века.-Л., 1994.- С.492.
69. Кублановский Г. Поэзия нового измерения// Новый мир.- 1991.- #2.- С.243.
70. Кузнецов В.
//Литературное обозрение.- #8.- С.125.
71. Кузнецов М.А. Опрекрасной ясности. В кн.: Русская литература XX века
Дюктябрьский период. Составитель:Трифонов Н.А.-М.:
Просвещение, 1987.- С.475.
72. Кулаков В. Бронзовый век русск. поэзии//Урал.-1993.-#6.-С.222.
73. Кулакова И.С. Философия и искусство модернизма.- М.: Политическая литература, 1980.- С.4.
74. Лавров А.В. Андрей Бельский и Григорий Яковорода.- Вр.1975. С.21.
75. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра.- М.,1991.- С.256.
76. Матгаузер З. Необычный голос//Руде право.- 1967.- 3 ноября.
77. Мережковский Д. О причинах упадка и о новых течениях современной литературы. СПб. 185.- С.42.
78. Молдавская Н.Д. Опыт изучения читательского восприятия.- М.:
Просвещение, 1974.- С.28.
79. Мооро И...и о любви с первого взгляда// В мире книг.- 1988.-
#10.- С.54.
80. Науман М. Литературное произведение и история литературы//Сбор-

- ник избранных работ.-М.: Радуга, 1984.- С.123.
81. Населькова А.Д. На обе *на поезде*. Белград. 1974.- С.141.
Цит. по книге: Восприятие русской литературы рубежом.А.:
Наука, 1990.- С.25.
82. Нирёл. Значение литературного произведения и внетекстовая среда.-
В книге: Современные проблемы литературоведения и язы-
кознания.-М., 1974.- С.87.
83. Новиков В. Гренобльские грёзы//Октябрь.- 1990.- №12.- С.190.
84. Новикова М. Христос, Велес- и Пилат// Новый мир.- 1991.-
№6.- С.252.
85. Ожегов С.И. Словарь русского языка.- М.: Советская энциклопедия,
1973.- С.19.
86. Пайманова М. Мужественное одиночество// Народная школа.- 1993.-
№3.- С.57.
87. Пайманова М. Эстетический феномен Г.Айги// Лик чувашии.- 1994.-
№4.- С.140.
88. Панченко О. Русская литература на польском свете// Дружба на-
родов.- 1995.- №8.- С.166-167.
89. Проблема научного исследования М.М.Бахтина// Межузовский сбор-
ник научных трудов.- Саранск, 1985.- С.4.
90. Прозоров В.В. Общие вопросы художественного восприятия//Межу-
зовский тематический сборник.- Калинин, 1982.- С.9.
91. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии.-М., 1940.- С.344.
92. Сахаров В.Н. Светлый русский ум // Забелин И.В. Домашний Свѣт рус-
ских царей в XVI-XVII столетиях.-М.: Книга, 1990.- С.11.
93. Севастьянов Единство познания и творчества в искусстве.-
М.: Изобразительное искусство, 1977.- С.222.
94. Сидоров А. Бросивший вызов толпе //Чуваш Ен.-1994.- №4.- С.8.
95. Сковорода Г. Собрание сочинений. Т.1. СПб. 1912.- С.146.
96. Смирнов В. Поэзия В.Хлебникова. Вст. статья и книга: Хлебни-
ков В. Избранное.-М., 1989.- С.9.
97. Смирнова Л.А. Русская литература конца XIX-начала XX века.- М.:
Просвещение, 1993.- С.233.
98. Соловьёв В.С. Буддийское настроение в поэзии. Собр. соч. 2-е
издание. СПб. 1912. Т.7.- С.81-85.
99. Станитич. Крославская лит. критика о русской поэзии//Сборник
статей Акад. Ленинград.- 1990.- С.10.
100. Тимонова Е.П. Ериков о русских поэтах XIX века.-Ереван, 1973.-С9
101. Толстой Л.Н. Полное собрание соч. в 90 томах. Том I.-М.: Полит-
издат, 1955.- С.19.
102. Тургенев И.С. Русские писатели о литературном труде.-Л.: Совет-

ский писатель, 1955. Т. 2. - С. 712-713.

103. Убасси С. Архетипы Аяги // Чаваш Ен. - 1993. - №19. - С. 7.
104. Убасси С. Два полка Аяги // Чаваш Ен. - 1991. - №38. - С. 11.
105. Убасси С. Новая философия мира // Советская Чувашия. - 1992. - I июля.
106. У истоков классической науки. - М., 1968. - С. 299-302. Цитаты по сборнику.
107. Философский словарь. - М.: Политическая литература, 1991. - С. 531.
108. *Jansz Hans. Rodigt Literatuurgeschiedte als Revokation Frankfurt. - Н., 1970. - С. 147.*
109. Хемингуэй Э. О сущности искусства // Иностранная литература. - 1962. - №1. - С. 196.
110. *Ortega y Gasset Jose. La deshumanizacion del arte Obras Completas. Madrid. 1950. t. 3.*
111. Храпченко И. Б. Познание литературы и искусства. - М.: Наука, 1987. - С. 144.
112. Хузангай А. П. Посвящается А // Лик Чувашии. - 1994. - №4. - С. 41.
113. Хузангай А. П. Слово о Аяги // Советская Чувашия. - 1994. 19. Ю. - С. 3.
114. Чернышевский Н. Г. О назначении искусства, об объектуальной стороне содержания художественного произведения. Полн. собр. соч. Т. 2. - М., - С. 88.
115. Швейцер А. Культура и этика. - М., 1973. - С. 82-84.
116. Шлекштедт. Произведение как потенциал восприятия и проблемы его усвоения. - В книге: Общество. Литература. Чтение. - М.: Прогресс, - 1978. - С. 51.
117. Шопенгауэр А. Афоризмы китайской мудрости. - М., 1989. - С. 17.
118. Эмансваль П. Предисловие к книге: Г. Аяги. Отмеченная зима, 1982. - С. 5-6.
119. Яковлев Ю. Сеспель, Аяги, Агивер, Ниндиков. // Чаваш Ен. - 1991. - №34. - 28 сентября.
120. Ясперс К. Смысл и назначение истории. - М.: Республика, 1994. - С. 406.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	I
Рецензии и отзывы на монографию "Восприятие Слова Г. Айги читателем" (Чебоксары. 1996. 184 с.)	2
Глава 1. Творчество Г. Айги - творчество модернизма	14
Глава 2. Творчество Г. Айги - предчувствие эмоционализма	38
Глава 3. Оценка Слова Г. Айги	63
Глава 4. Диалог читателя со Словом Г. Айги	76
Глава 5. Какой быть новой школе	108
Библиография	112

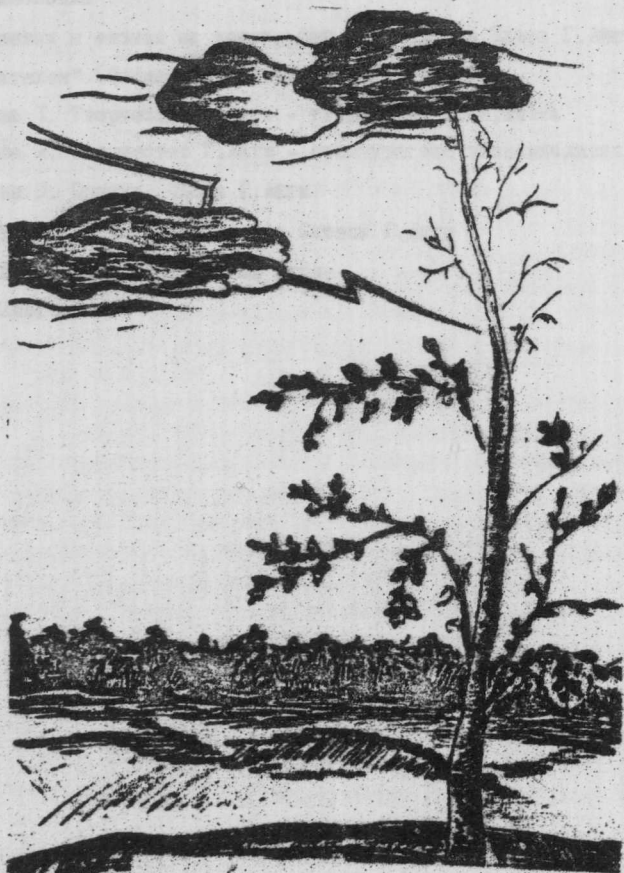

Заказ 531

Цена договорная

Тираж 1000 экз.

Подразделение оперативной полиграфии Чувашского Ц Н Т И
426000, ЧР, Чебоксары, ул. Ленинградская, 33

Ильинкина О. Иллюстрация к произведению
Г. Айги "Оттиск тополь". Б. Тушь. 1996.

